100

слов психоанализа

Jacques ANDRÉ

LES 100 MOTS DE LA PSYCHANALYSE

Presses Universitaires de France

Жак АНДРЕ

100
СЛОВ
ПСИХОАНАЛИЗА

Когито-Центр
Москва – 2022

УДК 159.9
ББК 88
С 81

Перевод с французского
Л. И. Фусу

АНДРЕ Жак

С 81 100 слов психоанализа / Пер. с фр. – М.: Когито-Центр, 2022. – 165 с.

ISBN 978-2-13-059097-2 (фр.)
ISBN 978-5-89353-637-9 (рус.)

УДК 159.9
ББК 88

Книга представляет в утонченном, но в то же время строгом стиле, отвечающем клиническим и культурным критериям, главные понятия психоанализа.

ISBN 978-2-13-059097-2 (фр.)
ISBN 978-5-89353-637-9 (рус.)

СПИСОК 100 СЛОВ

Звездочка (*), помещенная справа от слова в тексте, означает, что данный термин раскрывается в отдельном параграфе.

Аддикция

Уже само происхождение этого слова напоминает о зависимости, о теле, находящемся в рабстве обязанностей, с той отличительной особенностью, что раб и повелитель живут на этот раз вместе. Пить, есть, курить, летать, расслабляться... список аддикций рискует расшириться до такой степени, что может смешаться с «нездоровыми привычками», когда от них невозможно будет избавиться, даже если они дорогостоящи и разрушительны. Похоже, что уже ничего в аддикции не отличает желание от нужды, причем от самой примитивной нужды. Однако потребность, если она жизненно важная, витальная, характеризуется тем, что она проходит сразу же после получения удовлетворения, в то время как бутылка алкоголика и желудок больного булимией становятся бездонными колодцами. Аддикция — это скорее *настойчивая потребность,* а не нужда. Первоначальный смысл слова *требовать* фискальный: настоятельно требовать принадлежащее по праву, то, что положено. Потребность при аддикции настойчива и претенциозна, она никогда не уменьшается; вместо убывания по мере удовлетворения она лишь еще больше воз-

растает. Тираническая и ненасытная, потребность превращает желания в приказы. Но кто отдает эти приказы? Может показаться, что тело – клетка, жаждущая утолить потребность, к примеру, в никотине. На самом деле бессознательное является настоящим повелителем, когда переполнено тревогой или возбуждением. Возможно также, что первоначальным источником всех аддикций является зависимость от другого, которая настолько требовательна к его присутствию, насколько неизбежны бесконечные разочарования в нем, зависимость, которая заставляет нас бесконечно повторять: «Любишь ли ты меня? Любишь ли ты меня?».

Амбивалентность

Совсем не обязательно искать в психоанализе объяснение того, что одно и то же лицо может быть поочередно то объектом любви, то объектом ненависти. Как только стали появляться трагедии, в них уже засквозили идеи, что самые любимые из нас могут однажды вдруг стать объектом лютой ненависти. *Амбивалентность,* однако, имеет отношение к чему-то еще более несовместимому: любовь не только может превратиться в ненависть и наоборот, но и доходит до того, что любовь и ненависть, тайно пересекаясь, *перевоплощаются* из одного в другое, причем совершенно неразделимым образом. Нередко взрослые способствуют этому, сводя с ума своих отпрысков, задавая им вопросы: «Ты кого предпочитаешь: ма-

му или папу?». Ненависть таится в самой сердцевине любви и, соответственно, в отрицании противоречия. Хорошая грудь, любимая грудь есть также и нехорошая, нелюбимая грудь; для этого ей достаточно всего лишь отдалиться (отсутствующая грудь автоматически становится плохой). Случается, что речь с ее двусмысленностью может выразить амбивалентность весьма утонченным образом. Например: «Я не желаю тебе ничего, кроме добра...».

Анальный (анальность)

«Мало того, что проявления нежности детей замарали словом „сексуальность“, так еще и саму сексуальность запачкали, да еще и возмутительным образом, ссылкой на анальность» (Лу Андреа-Саломе). Место, которое занимает анальность в эротической и психической жизни человека, не преминули тут же использовать для того, чтобы публично дискредитировать представления о психоанализе. «Нечто анальное» может спонтанно стать объектом отвращения, неизвестного животному миру — это само по себе указывает на присутствие чего-то бессознательного, неприемлемого.

Частота такого банального симптома, как запор, который может приобрести хроническую форму, является самым верным свидетельством давления анальности на психическую жизнь, ее способности брать ответственность за психический конфликт. Анальная зона занимает привилегированное место

в отношениях между взрослым и самым маленьким ребенком, даже в тех случаях, когда его приучение к чистоте не становится повседневной дрессировкой. Дефекация должна происходить в определенное время; фекальный комочек является первым подарком, преподнесенным ребенком своей матери. По крайней мере, от него не отказываются; это потеря, закаляющая характер: упрямый, аккуратный, экономный – эти черты чаще всего ассоциируются между собой, создают «мораль сфинктеров». Ничего не оставлять, ничего не уступать...

Если психический конфликт с удовольствием использует ресурсы анальности, то лишь потому, что анальность сама конфликтна по своей сути: выделение/удержание, уничтожение/сохранение, или обладание. Первое движение легко ассоциируется с активностью или садизмом; второе ассоциируется с пассивностью и мазохизмом. Можно предугадать, что пара из ненависти* (деструктивной) и любви* (обладающей) заимствует у анального эротизма одну из своих модальностей.

Вытеснение*, сублимация* анального эротизма принимает многообразные формы благодаря смещению снизу вверх, когда рот путают с анусом, когда слово становится грубым, грязным, а юмор – «скабрезным». При этом осуществляется переход от транспозиции к ее противоположности, когда самое грязное, самое презираемое становится самым ценным: гениальный алхимик – анальная метаморфоза дерьма, которое превращается в золото.

Анорексия (булимия)

Представим себе грудного младенца нескольких месяцев от роду, отвергающего любую пищу, отказывающегося от любого глотка и поглощения, как если бы питаться для него было бы куда опаснее, чем ничего не поглощать/инкорпорировать. Все похоже на то, будто бы страдающий анорексией грудной младенец ведет себя так, как описывают в книгах по психоаналитической теории! Согласно этой теории, младенец подозревает, что грудь, молоко, кроме благотворного продукта, содержит еще что-то, совсем другое: страсть, ненависть*, тревогу*... Парадоксально, но в подобной ситуации отказ от поглощения становится для него жизненно важным. В таком раннем возрасте, когда психика ребенка и психика взрослого еще слабо отделены друг от друга, выздоровление может произойти «волшебным» образом: достаточно постороннему чуткому уху уловить материнскую тревогу и успокоить ее, после чего цикл кормления восстановится.

Анорексия в грудном возрасте не обходит стороной мальчиков, особенно во время их отнятия от груди, однако анорексия подросткового или зрелого возраста почти всегда женская. В этом и состоит ее загадка. Правильнее было бы использовать множественное число – «анорексии», так как этот синдром встречается при самых разных патологических картинах: от истерического невроза до самых тяжелых психотических форм. Случается, что анорексия приводит к летальному исходу.

В наше время анорексия рассматривается как дань моде с ее тощими стандартами, хотя она была описана еще в давние времена (например, Авиценной в XI в.), когда предпочтение отдавалось женщинам с пышными формами. Истерическая форма самая безопасная; она неразрывно связана с неприемлемыми сексуальными репрезентациями, смещенными от генитальной зоны к оральной, т. е. снизу вверх, и вызывающими отвращение. Одна из самых опасных форм анорексии появляется в период пубертата, она приводит к отставанию в развитии, задержке и остановке роста, аменорее, чрезмерной худобе... Всё это сопровождается отрицанием болезни, гордостью от собственной худобы и вызовом, брошенным окружению. Схема анорексия-булимия часто встречается вместе с сопровождающими ее практиками: вызыванием рвоты, использованием слабительных... У больных анорексией есть своя святая, Катерина де Сиенна, которая боролась с собственным телом* до самой смерти. Трудно найти более показательный пример насилия над психикой с проявлением такого крайнего экстремизма.

«Я живу в своей анорексии вместе с матерью», — заявляет одна пациентка. Тревога вторжения, интрузии, сепарации, связанная с самыми ранними отношениями «мать—дочь»*, определяют клиническую картину, даже когда инцестуозный фантазм приобщает к симптому отца.

Остается загадка женственности. Из-за нарциссической тревоги* вторжения, угрожающей грани-

цам Я*, либидинальный страх пенетрации превращает другого в насильника, путаются регистры, как если бы у больной анорексией женственность осталась примитивной, ассоциированной с картиной взлома. Это вынуждает держать закрытыми все двери.

Аутоэротизм

Мастурбация парадоксальна, ибо мы видим в ней всего лишь одностороннее удовольствие органа, преследующее только цель разрядки, и не пытаемся хоть в какой-то степени раскрыть, что такое «аутоэротизм». Другой, более тонкой и более загадочной формой его демонстрации является создание шутки, когда эротизм падает на речь и играет с языком. Ни в коем случае нельзя говорить ни о каком аутоэротизме, если тело не чувствует возбуждения. И все же это никак не меняет психическую природу возбуждения; тело всегда отвечает фантазму*, бессознательному или сознательному.

Первые движения аутоэротизма раскрывают нам его строение, структуру: лишенные удовольствия, сопровождающего сосание груди, губы сосут, целуют сами себя, не зная, какой груди отдаться. Аутоэротизм ищет утерянное удовольствие, воссоздает его, мультиплицирует. И, что удивительнее всего, гений инфантильной сексуальности* превращает пережитый им опыт неудовольствия в форму удовольствия: мать ушла; чтобы справиться с этим, ребенок бросает свою катушку и тянет веревочку, заставляя таким

образом мать появиться вновь; он играет, наслаждаясь уходом/возвращением матери, *fort/da*. Одна катушка потеряна, десять катушек найдено.

Аффект, см. Тревога, Ложная самость, Психосоматика, Вытеснение

Бессознательное, см. Самость

Бисексуальность

«Я имею обыкновение представлять себе сексуальный акт как явление, в котором участвуют четыре человека» (Фрейд). Не столько сам коитус, который ничем не обязан человеческой изобретательности, сколько прелюдия к коитусу, эта игра сексуальности, умножающая отверстия и аппендиксы, применяющая то активность, то пассивность, предварительные ласки посредством «объятий, нежности, укусов, надавливаний», стирающих границы между двумя партнерами (Ференци), показывает человеческую бисексуальность. И вот результат: зритель, ребенок, возбужденный фантазмом первосцены*, идентифицируется как с одним, так и с другим партнером, как с матерью, так и с отцом.

Свидетельнице полиморфизма инфантильной сексуальности, бисексуальности трудно долгое время сохранять равновесие. Пол тяготеет в одну или другую сторону – и вовсе не обязательно в анатомичес-

кую, желание *идентичности* взывает к своим правам вплоть до необузданного отвержения покинутой стороны. Если сама бисексуальность не становится средством защиты, то способом отвержения кастрации* становится «секторизация», почему лишь один пол, а не оба? Иногда девушка-подросток, колеблющаяся между выбором надеть юбку или брюки, отказывается принимать однозначное решение, надевая одно поверх другого. Надеется ли она, что паритет продержится до любовной реализации? Бисексуальность, безусловно, более доступна женщинам, чем мужчинам: две женщины смело делят одну и ту же ванную комнату, мужчин же для этого должно быть, по крайней мере, одиннадцать, целая футбольная команда.

Без психической бисексуальности психоанализ невозможен, ибо именно она позволяет аналитику путешествовать от одного пола к другому, например, быть мужчиной и перевоплощаться в переносе в женщину (женственную или фаллическую), состоящую в гомосексуальных отношениях.

Брат, сестра

«Тело ее брата с такой нежностью, так ласково прижималось к ее телу, что она чувствовала себя отдыхающей в нем, так же, как он чувствовал себя отдыхающим в ней» (Мюзиль). Так как отношения между братьями, сестрами или между братом и сестрой представляют собой первое *смещение* отношений с первич-

ными объектами*, матерью и отцом, они с легкостью выдают, иногда во всей своей простоте, любовь и ненависть, скрытые фантазмы, инцест* и преступление. «Мало того, что он мой брат, к тому же я должна любить его...»

Жизнь взрослых носит следы тех страстей, которые были в детстве, например, у людей, избегающих поцелуев: Леа может коснуться своего горячо любимого брата только кончиками губ, Элен отворачивает лицо, когда к ней приближается тот, кто был для нее когда-то безжалостным тираном.

Братская связь находит в социальной (*socius, «компаньон»*) жизни «естественный» дериват. Брат, прежде чем стать символическим, является, по меньшей мере, объектом страсти, когда историческая сцена попадает во власть влечений. *Братство или смерть!* Французская революция с готовностью злоупотребила этим девизом и его дилеммой. Первичный и манифестный смысл является *идеальным,* принимается отказ от личной жизни, подчинение конечной цели, составляющей человеческую суть. Во вторичном смысле, подчеркнутом Шамфором, формула превращается в «или ты мне брат, или я убью тебя!». Жиронда потеряла голову. Но в третьем смысле, более бессознательном, секира проходит между братьями и кромсает *«не на живот, а на смерть».* Это проявилось в апогее террора, когда Робеспьер и Сен-Жюст отправляют Дантона и Камилла, особенно Камилла (Демулена) на гильотину. «Стань моим братом, *чтобы я смогла тебя убить...*»

Булимия, см. Анорексия, Влечение

Власть (захват, влечение к)

«У мальчика предпочтение руки во время мастурбации указывает на то, насколько значительный вклад позже внесет в мужскую сексуальность влечение к власти» (Фрейд). Рука на пенисе, рука на половом органе предвосхищает ситуацию владения объектом, контроля над ним. В рамках человеческой сексуальности удерживается то, что осталось от мускулов, что-то от вида и его баланса сил, которые сопротивлялись бы инфантильному и полиморфному изобретению сексуальной жизни, то, что меняет объекты, выбор, цели, позиции... Стать хозяином и властелином природы, в первую очередь обладателем женщины! Сама природа создает обстоятельства, позволяющие мужчине обратиться к своему виду, когда кастрация* и тревога угрожают ему. С момента, когда он читает в глазах своей партнерши жгучее желание, объектом которого является он сам, Шарль всегда приходил в нерешительность: «Было бы намного легче, если время от времени она бы говорила: «О, нет! О, нет!».

Влечение

«Мы пьем, не чувствуя жажды, и занимаемся любовью, когда нам угодно, только это, мадам, отличает нас от других животных» (Бомарше). Правда в том, что влечение сохранило неудержимую силу инстинк-

та, но все остальные определения влечения касаются именно того, чем влечение отличается от инстинкта. Инстинкт является характеристикой врожденного поведения, обусловленного генетически, общего для определенного вида, как, например, инстинкт медоносных пчел или перелетных птиц. Осталось ли еще у человека хоть что-то инстинктивное? Может быть, голод в ситуациях крайней нищеты, потому, что в остальном... возбуждение рафинированного гурмана, отказ от еды больного анорексией*, а также ненасытность больного булимией указывают не на инстинктивные проявления, а на неудачные попытки адаптации к ситуации нужды. Приступ булимии, его необузданность, насильственность – яркая иллюстрация того, что происходит с влечением, когда речь идет не о потребности в еде, а о заполнении пустоты, именно пустоты тела*, которое фантазм* и тревога* сделали похожим на бочку Данаид.

Все начинается с сексуального инстинкта. Кроме специфического эндокринного состояния, благоприятного для репродуктивности, являющегося фертильным периодом после овуляции, течки, мы не замечаем у самок млекопитающих никакой сексуальной активности. У всех, за исключением одной... – людской. Женщина и мужчина занимаются любовью в любой период, и не всегда вдвоем. Человеческая сексуальность потеряла не только компас, ориентирующий ее на воспроизведение, в поисках удовольствия она заразилась стремлением к получению удовольствия от любого действия, начиная с потребления еды

и утоления жажды. Влечение дублирует инстинкт только для того, чтобы использовать его не по назначению. Инстинктивная потребность всегда «знает», что именно необходимо человеку в данный момент, в то время как «что-то из природы влечения, наоборот, противится полному удовлетворению» (Фрейд). Всегда не хватает, никогда не заканчивается. Никакие другие биологические тела не демонстрируют столько безумия. Требуется вмешательство фантазма* с условием, чтобы его не перепутали с простой фантазией. Фантазм как вросший ноготь; он вдавлен в плоть, трепещущую при одном упоминании о нем.

Влечение к смерти

Чего желает тот, кто не хочет излечиться, кто не хочет меняться, кто навязчиво повторяет свои травмы только ради самого их повторения, кто разрушает то, что было только что построено с таким непомерным трудом, кто больше не получает никакого удовольствия ни от чего, даже от разрушения и страдания, кто остается равнодушным к отчаянию человека, оказавшегося неспособным ему помочь? Чего желает тот, для кого цель — *ничто?*

Ненависть*, агрессивность, разрушающий гнев как нельзя лучше пристраиваются к функции удовольствия, даже если человек этого не ощущает. Перечисленные аффекты обладают особенной способностью, разрушать преимущественно другого, выводить смерть наружу, тогда как влечение к смерти является,

по сути, влечением *к собственной смерти*. Оно становится черной стороной нарциссизма*, когда безмерная любовь к себе переворачивается обратной стороной, оно появляется, когда любовь к себе съеживается до полного исчезновения. Похоже, лишь *подъем* психической жизни, становится тогда главным противником влечения к смерти. Не идет ли речь о последнем слове Эроса? От Кьеркегора до Беккета философы и писатели сумели создать эстетику отчаяния; яркий пример – роман Бальзака «Шагреневая кожа»... Именно эту книгу выбрал Фрейд, пожелав иметь ее при себе в последние минуты жизни: «Это именно то, что мне было надобно, книга, которая „говорит", съеживаясь до тех пор, пока не исчезает полностью».

Возбуждение, см. Аутоэротизм, Тело, Мазохизм, Оральный

Возвращение в материнскую утробу (сон)

Благодаря сну мы погружаемся в состояние, в котором пребывали до появления на свет, восстанавливаем ощущения пребывания в материнской утробе. Мы создаем себе сходные с существовавшими там условия: тепло, полумрак, отсутствие стимулов. Одни из нас скручиваются во время сна, складываясь в маленький комочек и выбирают положение тела*, подобное внутриутробному. «Мир не владеет нами полностью, треть нашей жизни (период сна) *мы пребываем в таком состоянии, как будто еще не появились на свет»*

(Фрейд). Чем глубже сон, чем меньше во время сна сновидений и чем больше постель напоминает «сладкое гнездо», тем больше он показывает стремление к исполнению желания возвращения в утробу матери. Является ли этот фантазм нарциссическим (учитывая сферическое замыкание тела и психики в самих себе) или инцестуозным (обновляя радость возвращения в родное гнездо)? Так отменяются различия, смешиваются удовольствия, как если бы Я* уснуло, а балом правило бы Оно*, в котором отсутствуют какие-либо различия. Восстановление первоначального нарциссизма и возвращение к симбиотическим отношениям с первичной матерью составляют единое целое.

За очаровательной картинкой рекламных видов с Сейшелльских и Багамских островов и других «теплых морей» находится фантазм*, обещающий рай, однако нужно отметить, что радость внутриутробной жизни может быть лишь ретроспективной. Под черным солнцем депрессии* этот же фантазм опасно приближает «сон» к «вечному сну», живот к гробу; мы сталкиваемся с парадоксом фантазма, исполнение которого привело бы к уничтожению самой фантазматической жизни и любой психической жизни. Спать, вечно спать...

Воспоминание — экран

«Все наши воспоминания, в особенности самые дорогие нашему сердцу, будь они связаны с радостью или со страданием, с ранами/обидами или блаженст-

вом, которые питают нашу ностальгию или горечь, — все они сохраняются только потому, что защищают наши чувства непрерывности и личной идентичности; все они являются экранами. И это не потому, что они скрывают предыдущие воспоминания, а потому, что в своем статусе маленьких сцен, картин, взывающих к памяти, они и содержат в себе, и диссимулируют их, являясь для *мнестических следов* и экраном, и футляром» (Понталис). Голубой цвет платья, запах еды, доносящийся с кухни, кусочек стены, покрытый желтыми обоями... столько деталей, вызывающих чувственный отклик, настолько ярких, живых, насколько «незначительных», содержащих в конденсированном виде и без нашего ведома суть детства, как в картине мастера во второстепенной детали может таиться самое интимное подтверждение его почерка. Экран скрывает то, что показывает, например, вытесненное*, которое в нашей памяти является и недоступной, и самой живой частью. Наши воспоминания в меньшей степени *из* детства, скорее *о* детстве; в них фантазм* смешивается с реальными данными, «они *возникли* по целому ряду причин, из которых историческая правда является последней» (Фрейд).

Вуаеризм, см. Первосцена

Вытеснение

Этот механизм защиты содержит в себе воинственные акценты: вытеснить к границе Я* что-то чуж-

дое и нежелательное, чье присутствие вызывает лишь плохое настроение и отвращение. У каждого из нас есть определенный опыт вытеснения: сдержанная неловкость, жуткое отвращение, вся гамма отрицательных аффектов старается подать сигнал о появлении врага, атакующего изнутри, и именно поэтому его труднее побороть. Вытесненное – своего рода троянский конь.

Вытеснение удерживает на расстоянии от сознания недозволенное желание, недопустимое представление. Работа вытеснения бесконечна, она никогда не заканчивается. Вытесненное не перестает вновь возвращаться: если помехи не дают ему войти через дверь, оно проникает через окно в виде симптома*, ошибочного действия*, сновидения*... Одной из любимых масок вытеснения является превращение в свою противоположность, так, ненависть* превращается в чрезмерную нежность, садизм трансформируется в сочувствие... За тем, кто защищает животных, прячется индивид, который в своем детстве обрывал крылья мотылькам.

А к какому цинизму может прибегнуть вытесненное, чтобы вернуться!

Вытесненное может заимствовать способ, предназначенный для собственного отвержения, как в примере аскета, который для того, чтобы устоять перед искушением, когда вместо распятия ему внезапно померещилась обнаженная женщина, он отмахивается от видения крестом (Фрейд).

Парадокс вытеснения состоит в том, что подавленное и спрятанное вытеснением становится в боль-

шей степени существующим, в некотором роде даже вечным и абсолютно злободневным; вспыхивая спустя несколько десятков лет, вытесненное производит такой же сильный эффект, как и в самом начале, *до* вытеснения. То, что вытеснено, составляет самую живую часть нашей памяти, самую нерушимую.

Вытеснение не является простым отвержением (Фрейд), оно трансформирует всё, к чему прикасается. И все время в направлении чрезмерности: самая любящая из матерей превращается в колдунью; самый задушевный отец становится восточным тираном. Это уже символизированный материал, претерпевший метаморфозы, которые работа психоанализа старается выявить, освободить от всего, что держит его в оковах.

Гомосексуальность

Гомосексуальность... это слово впервые появляется в Англии во время викторианской эпохи, эпохи Оскара Уайльда. Психоанализ занялся этим самостоятельно, когда термин «гетеросексуальность» оказался психоаналитически бесполезным, и не только потому, что это слово объединяет то, чего почти уже нет, а мужской и женский гомосексуализм – это не просто параллели, но и потому, что внутри каждого из них разнообразие важнее однородности. Это единство, даже «сообщество», более социальное, чем психическое.

Независимо от принадлежности сексуального объекта к одинаковому или противоположному по-

лу, его выбор связан с психогенезом, главным образом бессознательным, с историей каждого человека. Слово *Homos* делает упор на «одинаковый», что иногда оправданно, особенно когда объект является скорее двойником, чем «другим». Особенно двойником ребенка, в прошлом мальчика, которого мать так сильно любила и которого мы любим сейчас в образе эфеба, напоминающего юного лютниста на картине Караваджо. Но это всего лишь один психический путь из множества других возможных. Первая сексуальная идентификация соответствует полу, она возможна, если только родитель не будет упорствовать в своем желании, несмотря на то, что анатомия новорожденного ребенка не соответствует родительскому фантазму; психический пол ребенка, обрисованный в бессознательном взрослого, обязательно наложит свой отпечаток на реальный пол ребенка. Девушка с мальчишескими замашками будет любить девушек, женоподобный мальчик будет любить мужчин. Однако и выбор партнера *противоположного* пола не освобождает от гомосексуальности. Иногда она присутствует в негативе, когда страх и ужас перед противоположным полом играет решающую роль в выборе сексуального партнера. «Вагина? – спрашивает такой мужчина, – это бездонный колодец, красный, липкий, это зияющая дыра, которую пенис никогда не сможет заполнить». Ненависть к другому полу присутствует и в определенной женской гомосексуальности, при которой фаллос идентифицируется с садистическим инструментом, кото-

рая запрещает любую практику пенетрации, обрекая при этом эротизм лишь скользить по поверхности кожи. Ничего уже не ценится: искусственный пенис является неотъемлемым инструментом женщины, убежденной в примате фаллоса и в своем воображаемом обладании им.

В «гомосексуальном» выборе присутствует одна константа: выбор никогда не совершается по простой прямой линии, он никогда не идет напрямую от любви ребенка, направленной на однополого родителя, к объекту, выбранному позже. Идентификации* взаимопроникаются, пути смешиваются. Равновесие часто нарушается: мать чаще, чем отец, является инфантильным партнером человека, который в будущем сделает гомосексуальный выбор независимо от пола, будет ли он женским или мужским. Так, взрослая женщина вновь видит себя девочкой, лежащей в кровати матери, два тела, прижатые друг к другу, формируя вместе спусковой крючок пистолета, спиной к материнскому животу, ритм дыхания которой совпадает с ритмом спящей.

Депрессия

«Низкое и тяжелое небо давит, как крышка гроба», депрессия, словно туман, окутывающий психическую жизнь. Ничего не разглядеть, ничто больше не имеет значения. «Депрессия» – едва ли это слово может быть лишь метафорой, особенно когда тело сгибается, движения замедляются, взгляд опустошается.

Остается только голая тревога*, хватающаяся за все, что попадается на ее пути, в тщетной надежде хоть за что-то уцепиться (и образовать фобию). «Ждать, чтобы дни начинались и заканчивались, чтобы время утекало. Терять время. Отказаться от всего запланированного, любого ожидания из-за отсутствия терпения. Полное исчезновение желаний. Ждешь до тех пор, когда уже нечего ждать» (Жорж Перек). Депрессия – это болезнь против времени, «болезнь смерти». Философскому, экзистенциальному недомоганию абсурда психоанализ противопоставляет конкретность бессознательной репрезентации: «Смерть сама не более чем мертвец» (Фрейд). Какой мертвец гасит жизнь больного депрессией? Часто его следы теряются между умершими за последний год, забытыми, неизвестными погибшими. Один образ присутствует часто, это образ умершего ребенка*. «Ребенок, умерший во мне», как говорит поэт, хотя речь не идет непременно об «умершем в ней ребенке». Однако случается и так, что мать может потерять ребенка, которому дала жизнь.

Депрессивный человек – это потерявшийся ребенок. Если, несмотря на вегетативное состояние, его психика все еще способна создать фантазм*, тогда это будет фантазм возврата к жизни, в неподвижность гнезда, в лоно матери.

Помимо разграничения разных видов депрессий, Мелани Кляйн выдвинула идею депрессивной позиции, через которую проходят все дети, своего рода «зачаточной меланхолии». Объект, о потере которо-

го плачет ребенок, – это грудь, мать*, олицетворяющая любовь, доброту и защиту; потерянная мать – это мать, разрушенная жадными фантазмами младенца. Мать поочередно разрушается и восстанавливается, подобно плюшевому мишке, которого любят, но плохо с ним обращаются. Мы разрушаем только то, что любим, депрессия – это репарация, восстановление.

Диван

Анаис приходит на свой первый сеанс психоанализа. На предыдущих встречах были оговорены условия: частота, время сеансов, работа лежа на диване... И все же и на этот раз вместо того, чтобы лечь, она садится в кресло и начинает говорить, не проронив ни слова о том, что помешало ей лечь на диван. Тот же сценарий повторяется и на последующих сеансах. Затем однажды без видимого повода, без всякого объяснения, войдя, она тут же ложится. Анаис прокомментировала свое поведение, этот странный балет, лишь несколько месяцев спустя. Она легла потому, что в тот день (наконец) на подушке не было бумажного полотенца, обычно постеленного там, «такого полотенца, на которое больной кладет свою голову, когда ложится на операционный стол».

Турецкое слово диван (*diwan*) указывает на вклад Востока в психоанализ, оно корнями уходит прямо в зал консилиума султана, частью комфорта которого являлся диван, обложенный подушками с лежащими на нем сладострастными одалисками. Такая картина

роскоши вкупе с репутацией психоанализа, во время которого «говорят только об *этом»,* держит пациента, скорее, на расстоянии. Приглашая пациента разместиться на диване, мы не можем знать, как это будет им воспринято и расшифровано. «Теряясь из виду», *отсутствуя,* аналитик желает отойти от обычного способа беседы, облегчить регресс* и перенос*, позволить *мечте* соединиться с речью. *«Ощущения»* анализанда — это совсем другая история. Один анализанд расшифровывает слово «лежать» как призыв к подчинению и вспоминает, что на жаргоне слово «лечь» является синонимом слова «исповедоваться». Другой понимает это так: «Мария, ляг-ка туда!». Пациентка Анаис видит лишь предложение к хирургическому вмешательству, четвертый анализанд, ложась на диван, принимает положение лежачего больного... Это свидетельствует о том, что анализ начался, и первый перенос у лежащего на диване уже состоялся.

Желание

Желать — этимологически означает созерцать «звезду», быть «ошеломленным», «очарованным», так никогда ею и не овладев... Так течет жизнь, увлекаемая чем-то, чего нет, одушевленная чем-то отсутствующим, ожидающая впереди то, что ранее было утрачено. «Найти объект всегда означает обрести/найти его *вновь»* (Фрейд), поэтому вновь найденное никогда не имеет *вкуса* «первого раза» — *следов* «первого раза». Кроме мгновений счастья, когда чувствуешь

себя на седьмом небе, можно ли считать себя полностью, всецело и окончательно удовлетворенным? Желание само по себе парадоксально: оно означает отсутствие, но *у нас нет ничего* другого. «Несчастлив тот, кто больше ничего не желает! Он теряет все, что у него уже есть» (Руссо).

Инфантильное бессознательное ничего не желает знать об этом. Игнорируя отрицание, оно *исполняет* желание. *Оно, бессознательное**, галлюцинирует. Внутри него *нет никаких* различий между желанием, действием и обладанием. Сновидение*, симптом* свидетельствуют об отсутствии различий искаженным, иногда смутным образом. А может быть, это присуще и фантазму*, дающему нам самую ясную картину. Внезапно лицо* осеняется, когда ничего из реальности не вызывает улыбку, и мы догадываемся, что тайное желание только что исполнилось. Речь, конечно, идет о воображаемом исполнении, но с весьма реальным эффектом: кто бы играл в лото, если бы ему не создали условия до объявления выигрыша почувствовать себя счастливцем, обладателем внушительной суммы, позволяющей ему сделать благородный жест?..

Желание иметь ребенка

«Только рождение сына может принести матери безграничную радость. Мать может перенести на сына амбиции, которые она была вынуждена подавлять в себе, в том числе зависть к пенису*» (Фрейд). Чьи это слова — любимчика-сына или сведущего теоре-

тика? Разумеется, и того, и другого. Правда, весьма впечатляюще звучит констатация того, что фрейдовская теория, стройная и согласованная от начала и до конца, соответствует фантазму*, поддерживающему подчеркнуто мужской фетишизм*. Кроме того, она приписывает женщине/матери следующую бессознательную мысль: я хорошо знаю, что у меня нет пениса, но тем не менее... у меня есть ребенок, мальчик, у которого он все-таки есть! Фетишизм ли это, по мнению Фрейда, или нет, сложно сказать, но каждому аналитику независимо от пола представлялось немало возможностей удостовериться в существовании бессознательного уравнивания ребенка и фаллоса. Немало жизней (не только мальчиков, но и девочек, которые тоже могут быть «материнским фаллосом») было посвящено инсценировке материнской фаллической программы. Такова жизнь *campio,* чемпиона*,* посвященная Прекрасной Даме.

Критика фрейдовской теории столь же необходима, сколь относительна, теоретические размышления Фрейда строятся не вокруг желания иметь ребенка, а вокруг фантазматической формы, одной из множества других, которые может принять этот фантазм. В зависимости от вариаций инфантильной сексуальности* случается, что в *утробе* ребенок становится наследником более архаического эротизма, скорее анального*, чем фаллического: начиная с «самого грязного» [анального] и заканчивая его самой драгоценной противоположностью, мать производит на свет золотого ребенка. Он не станет жезлом той,

которая его зачала, но сможет стать ее *собственностью* с амбивалентным риском *выдворения, экспульсии.*

Нет ничего необычного в том, что желание иметь ребенка в современном мире может побудить женщину начать психоанализ. «Революция» нравов предоставила женщинам свободу, которая ранее не была основной характеристикой их сексуальной жизни. Рикошетом было затронуто природное, «автоматическое» желание женщин иметь детей. Супружеская и материнская участь женщины была веками предопределена, но сегодня это уже не так. Политическая свобода радует, психическая свобода тревожит. Стремление к свободе смущает тем больше, чем ярче выражено стремление, чтобы это желание было разделено мужчиной или женщиной, поскольку расширение возможностей приводит к дополнительным сложностям.

Существует столько же видов желания иметь детей, сколько и соответствующих им фантазмов: некоторые женщины хотят, прежде всего, просто забеременеть, поскольку в моменты грусти и меланхолии их захлестывает желание быть наполненными чем-то. Другие женщины не хотят ребенка, а всего лишь крошку-младенца; становясь взрослыми, некоторые люди, особенно мужчины, носят в себе неизгладимые следы подобных желаний, оставаясь вечными младенцами. Третьи хотят иметь «маленькую девочку», какой они сами мечтали быть в детстве, четвертые также мечтают о «младенце», но лишь для наслаждения от кормления грудью; и т. д.

При искусственном оплодотворении часто возникают непредвиденные трудности. «Услуга» сдачи донорских яйцеклеток часто приводит к прекращению для некоторых женщин биологической филиации: зачатие ребенка возможно, но он уже будет «внуком» собственной матери.

Существует и обратная сторона – фантазм о вселенной, состоящей только из матерей и дочерей, реализующих себя через клонирование. Наконец можно избавиться от мужчин... Бессознательные мечты, восходящие к амазонкам.

Женственность (женская сексуальность)

«Я отдавалась, бледнея, закрыв глаза. Когда он засыпал, удовлетворенный и расслабленный, я оставалась взбудораженной, но неподвижной, с застывшими чувствами». Фригидная Лелия, героиня Жорж Санд, принадлежит «палеолитической» эпохе, XIX веку, временам, когда женщина познавала мужскую эрекцию в «первую брачную ночь». Времена изменились, и вместе с ними изменилось отношение к сексуальности, утвердилось представление о «сексуальной свободе», и в первую очередь это коснулось женщины: было снято табу на девственность, появились различия между сексуальной и супружеской жизнью, зачатие было отделено от сексуальности... Однако бессознательное не имеет срока, оно игнорирует время. Исторические вариации сексуальных практик – это одно, укоренение сексуальности в инфантильном – совсем другое.

Женщины продолжают рассказывать истории со змеями с тем же двусмысленным ужасом, как и прежде, а перед требованиями и штурмом либидо продолжают превращать/конвертировать свою тревогу* в телесные симптомы. Мужчины все так же временами претерпевают фиаско, а женщины по-прежнему фригидны. И те, и другие по-прежнему прилагают усилия для избавления от этих симптомов. Не существует социального лечения бессознательной части сексуальной жизни; слова, с помощью которых люди выражают свои жалобы, не претерпели никакого изменения, как и образ тридцатилетней женщины, озабоченной собственной способностью устанавливать достаточно прочные отношения с мужчиной для создания семьи, чтобы родить, и обеспокоенной, «что свободные отношения смогут превратиться в блуд».

Времена сегодняшнего «освобождения» еще больше выставляют напоказ то, что, возможно, представляет собой первоначальную форма тревоги у женщины, тревоги потерять любовь, страх «более не быть любимой». Истоки подобной тревоги коренятся в первых минутах жизни, когда еще совсем маленький ребенок полностью зависим от своего окружения, когда его опыт нежности и чувственности в обязательном порядке неизбежно является пассивным. Пассивность, развивающаяся от желания «быть любимым» к желанию «быть пенетрированным», смогла бы создать бессознательную цепь, связывающую первый период с последующим опытом. Страх того, что насильник проникнет в дом ночью, присущий всему

женскому роду, резюмирует с помощью аффекта вкупе с репрезентацией старую как мир историю.

Забывание, см. Ошибочные действия

Зависть к пенису (женская кастрация, кастрация, фаллический)

Первичная женственность* девочки предопределена с того момента, когда у нее появилось желание пользоваться преимуществами видимого и пригодного, управляемого полового члена, чего-то, находящегося снаружи, что можно было бы при случае показать (как это делает ее младший брат-фанфарон), который является предметом дурацкой гордости родителей.

Зависть девочки к пенису не отделена от чувства тревоги* перед собственным половым органом, внутренним, невидимым и загадочным. Пенис – очевидность; вагина – неизвестность. Первый является обладателем многочисленных прозвищ и имен, а у второго нет даже названия. Инфантильное дает имена только видимому.

Участь зависти к пенису важнее самой зависти к пенису. Самое динамичное из них состоит в переходе к чему-то другому, в превращении зависти (зависть – «завистлива», недоброжелательна) в желание: мечта о наличии пениса (и не просто об обладании пенисом, а о том, чтобы быть пенетрированной им), пениса отца, мужчины, ребенка, созданного объекта искусства... Существует, однако, и другая участь

зависти, несущая скорее печать фиксации, нежели трансформации. Первая кастрирует женщину, вплоть до фригидности. У нее нет пениса, следовательно, у нее вообще ничего нет. Это проявляется в словах самих женщин, в умалении ими всех успехов (включая любовные) и всех действий: «Я ничтожество, у меня никогда ничего не получится».

Другая участь, наоборот, – уже не «кастрированная», а «кастрирующая» женщина: у нее нет пениса, но она будет его иметь, для этого достаточно лишь кастрировать мужчину... На краю бассейна группа женщин смотрит, как проходит инструктор по плаванию: «Терем выглядит неплохо, но башня в развалинах». Ах, если хотя бы желанному мужчине женщина не давала понять, что желает только его пенис, придатком которого он является!

Третья участь сопряжена с настоящим в утвердительной форме: у нее есть «он» и его атрибуты, в первую очередь, сила. Фаллическая женщина – это «железная леди»; аргентинские генералы потеряли скипетр и Мальдивы, потому что забыли об этом.

Но, возможно, самая худшая участь – это когда зависть к пенису выковывает характер... За «кислой» женщиной с мрачным выражением лица, с видом всегда неудовлетворенной жертвы угадывается обиженная девочка. Мужчины («все одинаковые», что можно перевести так: «У всех он одинаковый») представляют первый момент притязания; скрыто анализ высвечивает мать, ненавидимую за то, что не дала единственно ценное и стоящее...

Запрещенный, см. Эдипов комплекс

Идеальная Самость, см. Сверх-Я

Идеальное Я

В случае мегаломании, как, например, у Чаушеску, «Гения Карпат», который переписывал историю Румынии, смешивая ее с элементами собственной генеалогии и генеалогии Наполеона, принявшего корону из рук папы и провозгласившего себя императором, мы видим, что ничто уже не отличает *идеальное Я* от Я. Одно Я непрерывно полностью покрывает своим триумфом другое Я. Даже если мы не покоряемся его культу личности, идеальное Я, это дитя Нарцисса, оставаясь неизвестным героем или диктатором, живет тайно в сердце каждого из нас. Оно ограничивает свою экспансию не больше, чем время, пространство или любое другое ограничение: Я, полностью занятое своими героическими идентификациями*, – это Оно*, не ведающее себя, в то время как его желания* исполняются. Чувство всемогущества становится «океаническим», уподобляясь самому примитивному нарциссизму. Являясь наследником первоначальных форм Я – Я-удовольствия, не терпящего никаких препятствий на пути своего удовлетворения, Я формируется не само по себе. Мы представляем себе маленького ребенка, глядящего в зеркало-отражение* своих родителей, и узнающего в себе если не «Гения Карпат», по крайней мере, Его Величество Младенца.

Идентичность, см. Бисексуальность, Рамки, Равнодушие, Я, Нарциссизм

Идентификация (инкорпорация)

Перед тем как стать неотъемлемой частью психоанализа, «идентификация» входила в понятийный аппарат общей психологии. Любому наблюдателю, даже не особо внимательному, никогда не составляло труда заметить, если не у себя, то, по крайней мере, у других заимствование, перенимание, повторение привычек и некоторых особенностей матерей, отцов, лидеров, друзей… начиная с деталей в одежде и вплоть до, к примеру, копирования черт характера и манеры говорить. Нередко можно услышать: «С годами ты все больше становишься похожим на свою мать!». Чем точнее интерпретация, тем она более «дикая». Патология идентификации, при которой *похожее* уступает место *идентичному,* может стать частью публичной жизни, как в случае «двойников» Элвиса Пресли, каждый год собирающихся праздновать годовщину «Короля».

Психоанализ не довольствуется лишь подчеркиванием бессознательного измерения процесса, касающегося первых идентификаций, несомненно, самых глубоких, самых незыблемых; психоанализ утверждает, что Я сформировано именно из идентификаций и ни из чего другого: *Я есть не только другой, но и другие.* Я формируется на основе идентификаций с близкими, родственниками во время первых объектных отношений. Идентификация не являет-

ся простой имитацией, помещение вовнутрь является одновременно и трансформацией, и присвоением. Как это происходит? Страдающий анорексией* младенец, из последних сил отказывающийся проглатывать предлагаемую ему пищу, показывает в негативе, что вначале психическое движение идентификации не отличается от соматического процесса приема пищи. То, что один отвергает, другой (удовлетворенный младенец) принимает: «Я есть грудь» (следовательно, я существую). Идентификация, прежде всего, есть *инкорпорация,* а инкорпорация является прототипом всех последующих интериоризаций. Идентификация – это присвоение как хорошего, так и всего остального, что нравится и любимо. *Стремиться стать, быть* тем, кем ты хочешь, если не можешь обладать, *иметь.* Идентификация является остатком и отзвуком любви.

Импотенция, см. Кастрация

Инкорпорация, см. Каннибалическое, Идентификация, Оральный

Интерпретация

Сон ее взволновал, и она не могла сказать почему, все было невинным в образе этого школьного двора, где мальчики и девочки гонялись друг за другом, где она, не задумываясь, билась, чтобы защитить свою

территорию... Ассоциации ведут ее к детским играм, к удовольствию «схватки» со своим отцом. Она беспокоится, испытывает легкую тревогу; она абсолютно уверена в том, что никогда ее «обожаемый папа» не сделал ни одного жеста... было много разделенной любви, конечно, но ничего такого, что...

– (*Психоаналитик*) Но это не мешает видеть такие сны...

Интерпретация является единственным актом, который может совершить психоаналитик. Между двумя лагерями: с одной стороны – желание* (бессознательное), с другой стороны – защита или сопротивление* – она всегда выбирает первый. Слово, которое звучит как помощь, чтобы могло высвободиться то, что ищет выхода, выражения.

Если интерпретация слишком приближается к объяснению, она теряется. Ее приверженность к двусмысленности, к тайне, к острому словечку направлена на то, чтобы прежде всего сохранять доступ к будущему смыслу. Психоаналитик не знает – если только он не услышал – как максимум, он угадывает. Лишь последующие ассоциации анализанда могут подтвердить или опровергнуть предложенную интерпретацию, и это всегда указывает на реальную динамику, когда мысль идет в том направлении, о котором аналитик даже не помышлял. Какие-то «блестящие» слова могут потерпеть полную неудачу, в то время как «незначительное» слово, от которого интерпретирующий мог бы с тем же успехом и воздержаться, способно произвести потрясающий эффект.

Тому, к которому обращена интерпретация, она сообщает, что его слова несут смысл, неизвестный ему самому, она «проявляет чуждое в сердцевине интимного» (Федида). Ее действие является «объективно» преследующим и, в некотором смысле, преступным – она озвучивает то, о чем не говорят. Тем более, если не соблюдаются условия ее произнесения. Неправильная интерпретация – это просто жестокая и болезненная атака, если только она не остается неуслышанной и в то же время испорченной из-за того, что была предоставлена слишком рано.

Психоанализ не обладает монополией на интерпретацию: что же тогда составляет ее самобытность? Это тот опыт, которым не владеет ни философ герменевтики, ни историк, ни искусствовед..., опыт настоящего переноса*. Из слов интерпретации сила переноса создает акт, жест, являющийся как бы продолжением сновидения.

Инфантильная сексуальная теория, см. Кастрация, Отец, Фаллос

Инфантильная сексуальность

Что означает *сексуальное?* Самое используемое в психоанализе слово одновременно является и самым загадочным. Человеческая сексуальность эмансипировала не только в том, что касается инстинктивной целенаправленности, связанной с воспроизведением, в ней также присутствует отказ подчиняться примату гени-

тальности. Определить *инфантильную* сексуальность как «догенитальную» было бы недоразумением, ибо она является лишь первым этапом, завершающимся достижением пубертатной сексуальности. Инфантильная сексуальность подобна бессознательному, у которого нет возраста, и так же, как бессознательное, инфантильная сексуальность игнорирует время. Временем и местом ее рождения является детство, и все же она не смешивается с *детской* сексуальностью. Инфантильная сексуальность не является прелиминарной сексуальностью, предварительными ласками, даже если «прелюдии»* полностью обязаны ей. Это сексуальность другого рода, не «конформная», всегда чуждая, беспокоящая и захватывающая. Фантазм* является ее элементом и не существует такой человеческой деятельности, которой не удавалось бы ее возбудить.

Генитальная сексуальность знает свою цель, а именно коитус, в то время как инфантильная сексуальность полиморфна, умножает половые органы, полна *желаний*,* не преследуя никакой *цели,* можно сказать, она толком не знает, чего хочет, – одни лишь бесконечные желания. Мы знаем, что она связана с оральностью*, при которой главной эрогенной зоной является рот, и с анальностью* и анусом, но ее сила превращения не инвестирует только лишь отверстия, каждая частица кожи служит фантазму, каждое ощущение хочет лишь удовлетворить желание, и даже интеллектуальная деятельность не защищена от ее воздействий.

Все это не остается без последствий. Поскольку инфантильная сексуальность ни с чем не считается и всего касается, воспламеняет костер из любых щепок с риском разрушить все, что ее стимулирует, и только лишь потому, что ей скорее доставляет удовольствие дробить все на части, чем выдумывать новые формы, инфантильная сексуальность задевает наш конформизм, цензуру и наше разумное спокойствие. Ее вытеснение* подпитывает тревогу*, а неудовольствие множит симптомы*. Психическое здоровье обязано ей всем, болезнь тоже.

Инцест (инцестуозное желание)

«Не совокупляются с теми, с кем едят из одной миски». Народность На, живущая в Китае близ Гималаев, не придает никакого значения супружеским обязанностям, позволяя проявление полной сексуальной свободы, и все же к инцесту она проявляет непримиримость, не уступающую самым цивилизованным обществам. Запрет на инцест может варьироваться по форме, но это действительно важнейший фактор мировой культуры. Является ли инцест лишь культурным фактором? Этологи обнаружили, что приматы, наши братья – обезьяны бонобо, старательно избегают коитуса с теми, кто явно принадлежит к их семье. Если подобная избирательность является постоянной и включена в управление родом приматов, то у человека это нарушается и в фантазме* (желать – значит совершить), и в действительности.

Инцестуозность содержит в себе желание, запрет, нарушение, чувство вины* (отсутствующее в случае перехода к первертному действию) и наказание. Инцест рифмуется с гибельностью («Федра» Расина), со «святотатством». Древние и «примитивные» всегда догадывались о его присутствии, скрытом за массовыми, коллективными и индивидуальными катастрофами: голод, засуха, болезни, рождение монстров...

Инцест в понимании антрополога касается взрослых, которым запрещены определенные виды брака, подталкиваемых, таким образом, к экзогамии. Инцест в понимании психоаналитика представляет инцестуозное *желание,* связанное с инфантильной* сексуальностью, с первой любовью, переполненной обладанием. Пример тому – образ ребенка, упомянутого Ференци, маленького Арпада, обращающегося к своей соседке так: «Я женюсь на тебе, на твоей сестре, на трех моих двоюродных сестрах и на кухарке... Нет, на кухарке нет, скорее, на маме». Если не может быть одна, то будут все. Инцест взрослого перверта ничего не желает знать о различиях*, он смешивает все, особенно поколения, иногда пол, он не знает другого закона, кроме закона, который сам диктует: «Почему нельзя любить людей, которых хочется любить больше всего?» (де Сад).

Истерия

Оцепеневшая женщина, испускающая дикий крик ужаса перед змеей, которую она только что увиде-

ла, – так обычно карикатурно изображают истерию. Как и всякая карикатура, она не лишена доли истины, поскольку подчеркивает наличие одновременно очарования и отвержения, желания и обороны*. Симптом* лишь требует следовать за ним, вневременная фобия* перед змеей отлична от всех остальных симптомов и является самым непреодолимым из всех истерических симптомов.

Истерия исчезла из DSM, этого международного психиатрического руководства. По причинам «политкорректности» она осталась в странах за Атлантическим океаном всего лишь в виде женоненавистнической брани.

По теме истерии можно почитать Гиппократа или Галена (врача из Пергама, II век н. э.): ни тот, ни другой не игнорирует ничего, касающегося сексуальных *эксцессов,* их естественной склонности смешивать все так же беспорядочно и душу, и тело, и мужчин, и женщин... Галену мы обязаны тем, что, не дожидаясь открытий Фрейда, он понял, что вопреки этимологии (*hustera* – матка) истерия может быть в равной мере и женской, и мужской. Одной из особенностей мужской истерии является попытка избавления от *эксцесса,* от приписывания женщине склонности к эксцессам и превращения истерии исключительно в женский атрибут: «Женщина, ты врата дьявола!» (Тертуллиан).

И всё потому, что никто лучше женщины не знает, что всё ее тело стремится стать лишь эрогенной (и, следовательно, конфликтной) зоной, что фантазм*

является источником влечения* («его частный театр», не имеющий себе равных) и что ничто не является более желанным, чем вытесненное; не стоит забывать, что именно благодаря исследованию истерии появился психоанализ, поэтому смело можно утверждать, что истерия помогла ему появиться.

Исцеление

Когнитивная и поведенческая терапия избавили пациента от симптома*, туннели уже пугали его меньше, и он опять мог, проявив дерзость и бросившись в авантюру, ездить два раза в неделю Евростаром, преодолевая «несколько миль под водой». Однако диффузная тревога сохранилась, его беспокоят «черные ночи», и если прежде он спал как младенец, в настоящее время появились проблемы со сном. Тревога* – мигрирующий аффект; если закрывается один туннель, она идет окольным путем, часто по старой дорожке, которая считалась дезаффектированной.

Если исцеление является «побочным приобретением» (Фрейд) психоаналитического процесса, это не потому, что им пренебрегли или к нему подошли поверхностно, а потому, что опыт показывает, что фокусирование на устранении симптомов ведет к простому смещению тревоги, когда итог не является обратным желаемому результату. Речь идет либо о бегстве в болезнь: больной неврозом любит больше свой невроз*, чем себя, а боль, вызванная симптомом, маскирует тайное удовольствие, от которого никто

и не думает отказываться, либо о бегстве в исцеление: как только симптом исчезает, психе закрывается для любой попытки дополнительного исследования.

Когда потребность клинициста в исцелении становится до такой степени требовательной, что превращается в *furor sanandi*[1], следует задаться вопросом о глубинной мотивации самого терапевта. Кого он так стремится исцелить? Израненную мать первых месяцев его жизни? Замученного ребенка, с которым плохо обращались, каким был он сам? «Мы действуем, как нежная мать, которая вечерами не может лечь спать, пока вдоволь не наговорится со своим ребенком», – пишет Ференци. Его последние годы жизни указывают на трагические попытки «исцелить любой ценой», осуществить невозможную репарацию. Все же не существует такой психической болезни, которая не была бы в первую очередь способом (иногда безумным, иногда суицидальным) защититься, излечиться. Болезнь, жаждущая в большей мере быть *услышанной,* чем исцеленной.

Чего хочет пациент, не желающий исцелиться, или, еще хуже, кто отвечает на первое улучшение своего состояния дополнительным обострением и ухудшением? «Негативная терапевтическая реакция» – настоящее испытание как для пациента, так и для психоаналитика. Идет ли речь о тайном удовлетворении желания получить наказание, о ненасытном чувстве вины*? О желании доказывать некомпетентность того, кто «заботится о вас»? Даже несчастливая

1 Страсть исцелять (*лат.*).

жизнь – *всё же* жизнь, первым подтверждением этому является моральный мазохизм*: «Я страдаю, следовательно, я существую!».

Кадр (сеттинг, сайт)

«Испытание неизвестным», погружение в незнакомое – вот что такое психоанализ; мы начинаем его не для того, чтобы высказаться, чтобы «все сказать» или чтобы говорить о том, о чем «не хочется говорить», а чтобы говорить о том, что нам самим неизвестно, эта авантюра возможна лишь в той степени, в какой мы уверены, что твердо стоим на земле хотя бы одной ногой. Это движение относительно, психоанализ может иметь смысл, лишь если он связан с чем-то фиксированным. Одно и то же количество сеансов, их одинаковая продолжительность, одни и те же условия освещения, отопления, одинаковая стоимость сеансов, одинаковое отношение аналитика и когда пациент его восхваляет, и когда оскорбляет... инаковость бессознательного может выражаться лишь на фоне постоянства и идентичности, на фоне «кадра». Слово не самое удачное, слишком много прямолинейности, смешивающей идентичность с ригидностью. Даже если эта строгость благотворна, то в случае, например, землетрясения, она не должна оставаться самоцелью. Английское «setting» и его производное «site» (Федида) выражают более тонко то же самое. «Кадр» не ограничивается отдельными условиями договора (время, деньги и пр.), он наме-

чает границы порядка, «диспозитива» (Фуко). Даже если границы, пределы, которые обозначает кадр, являются условиями для проведения анализа, это не значит, что мы точно знаем, где проходят эти границы. Так, Луи, пациент, который не выносит, когда на веревке рядом сушатся два непарных носка, заметил в библиотеке книгу, лежащую в перевернутом виде. «Это сделано специально, для того, чтобы раздражать пациентов?» Каждый пациент интерпретирует кадр по-своему в зависимости от своего фантазма* или от своей тревоги*. Сеттинг олицетворяет Я*, сочетается с его формой, вместе они составляют суть границ. Когда граница четко очерчена, когда Я не тревожится по поводу своего единства и целостности, кадр кажется незаметным, подобно фундаменту добротно построенного здания. Если же граница хрупкая, шаткая, оспаривается или попирается, то кадр, если он сакрализован или атакован и рискует разрушиться, сам кадр становится объектом и местом анализа. Для Елены, которая внутри себя не располагала тем, что дает ощущение непрерывности собственного существования, лежащее в основе чувства идентичности, первым признаком выздоровления было то, что она обнаружила, к своему большому удивлению, что после летних *каникул* ей уже не надо было вновь записываться ко мне на прием. Она обнаружила, что ее сеансы проходили в одни и те же дни недели, в одно и то же время. Бывает, что на фоне отчаяния единственное, что может предложить аналитик, – это точность и пунктуальность (Винникотт).

Кастрация (фантазм, тревога, комплекс)

Воспоминание детства: играя в доктора, он смог добиться от своей маленькой соседки, чтобы она ему что-то показала... Но он *ничего* не запомнил, возможно, запомнил лишь *какое-то отсутствие,* родинку... Столкнувшись с этой загадкой, ребенок, мальчик, строит теорию, аксиома которой сводится к тому, что «у всех человеческих существ есть пенис», ибо как можно представить себя или кого-то, лишенного такого ценного органа, видимого, сильного (учитывая струю мочи), пренебрегающего гравитацией и вызывающего восторг родителей, особенно матери. Аксиома незыблема, но теория допускает и другие варианты: у всех человеческих существ есть пенис... кроме тех, у кого его нет, уже нет или еще нет. Согласно теории фантазма, тревога отложена в сторону, но мы догадываемся, что червь находится внутри плода. Эта теория примата фаллоса* есть не столько теория различия *между* полами, сколько теория *одного* пола, мечтающего найти различие.

Преобладание тревоги кастрации в психике мужчин демонстрирует несовершенство, по крайней мере относительное, первой теории Фрейда. Проявления такой тревоги чаще всего смещены: риск повреждения пальца при первом использовании молотка; неудача на уже почти сданном экзамене; падение с лестницы, по которой поднимаешься каждый день; потеря выигрышной позиции из-за минутной слабости. Как это часто можно заметить, мужчина, предвосхи-

щая возможное наказание, наказывает сам себя, ведя себя так, как если бы он уже был кастрирован, особенно в присутствии авторитетных персон, подчеркивая тем самым, что угроза всегда исходит от «отца»; «кастрированный» – «лизоблюд», так безжалостно о них говорят в народе.

Страх повреждения генитальных органов не чужд и женщинам, к примеру, страх рака матки, поскольку все специализированные журналы «здоровья» рассчитаны на женскую публику. Следуя за Фрейдом, разве можем мы отказать женщинам в том, что у них тоже есть опыт тревоги кастрации? Ибо бессознательное – это конкретный абсолют, а образ кастрации – его фантазм – неразрывно связан с потерей пениса. Опыт неудачи позволяет увидеть разницу между женскими и мужскими тревогами. Настоящая аутокастрация – момент импотенции – заставляет мужчину вновь замкнуться в самом себе; тревога кастрации является главным образом нарциссической, то, что потеряно, является частью тебя. В то же время тревога у женщины, если отбросить в сторону тревогу, в которой неудача дополняет кастрирующий фантазм («Не он является его обладателем!»), когда случай помогает торжествовать – объектная женская тревога связана с потерей любви: «Он больше не желает меня, он больше не любит меня...».

У тревоги – двойной доступ. Прежде всего она блокирует психическую жизнь, но в то же время она может стать и живым источником трансформации. По той причине, что пенис является «отделимым»,

у него может быть множество субститутов, от «пряника» до «головастика». Тревога кастрации является двигателем символизации. Благодаря такой тревоге мы можем отделиться от первичного объекта любви, мы можем одну (мать) потерять, а десять найти. Опять же, отталкиваясь от этой тревоги, благодаря ее проработке, становится возможным новое издание, перепись истории предыдущих потерь: отнятие от груди, дефекация – фекальный подарок и – почему бы и нет? – рождение. Будучи вначале фантазмом, тревогой, кастрация становится комплексом тогда, когда превалируют ее способности дифференциации, структуризации, различия (между дозволенным и запрещенным). Во время созидания она перестает разрушать.

Каннибалическое (зубастая вагина)

Достаточно представить ужас вегетарианца перед жареным мясом с кровью, чтобы понять, что «каннибализм» находится в каждом из нас; ужас – всего лишь часть тени желания. С чего начинается каннибализм и кто его инициирует? Грудной ребенок, жаждущий груди матери и даже саму мать больше, чем молоко, или мать, глядящая на своего младенца как на крошку, столь милую, что «мама бы ее съела»? Никто не чувствителен к такому «пищевому инцесту» так, как больной анорексией. Так и соблазненный ребенок, который перед тем, как уснуть, требует, чтобы ему вновь и вновь рассказывали про ночь

Дюймовочки, проведенную у Людоеда. Слова нежной любви (в каком смысле?), от «красивой тигрицы» до «милой голубки», напоминают нам, что между любить – быть любимым – и есть – быть съеденным – существует нечто большее, нежели простое сходство. Существует ли лучший метод для того, чтобы соединиться, стать одним целым с другим, располагать другим, овладеть им, идентифицироваться с ним, чем «съесть его»? «Съесть» или «сожрать, искромсать, расчленить на мелкие кусочки...»? Амбивалентность* колеблется между этими двумя крайностями. Даже приятный момент причащения отмечен этим аспектом. С одной стороны, приглашение на Вечерю: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во мне, а Я в нем» (Ин 6:56). С другой стороны, запрет: не «разжевывать» лепешку!

Связи между каннибалическим фантазмом* и инцестом* с матерью выявляют первосцену: зубастую вагину. (Так ли уж напуган мужчина, который со страхом воображает эту «затененную пасть»?) Когда женщина отвечает на проникновение *penis captivus,* она демонстрирует, что бессознательное этих двух полов населяет одну и ту же планету.

Контрперенос

Как только родился братик, ее тут же отправили к тетушке в провинцию. На экране покрывающих воспоминаний она вновь видит цветущий сад и радость от игры вволю. Прекрасное воспоминание. Придя

на следующий сеанс после таких чудесных воспоминаний, она с удивлением обнаружила дверь кабинета запертой, ее аналитик отсутствовал! Когда аналитик понял свое ошибочное действие*, он одновременно сконфузился и растерялся. Как объяснить такую оплошность? Хотя речь и шла о смещенных и непривычных часах приема, это все равно ничего не объясняло. Будучи не в состоянии самому понять, что произошло, и не в силах выйти из неловкого положения в одиночку, аналитик испытал необходимость с кем-то поговорить. (По мнению Перрье, «чтобы быть психоаналитиком, требуются двое: пациент и коллега».) То, что мешало ему видеть, стало, наконец, очевидным: его родители поступили так же и с ним, отправив его к тетушке в Бретань, когда на свет появилась его сестра, которая должна была занять его место. По другую сторону экрана сельских воспоминаний пациентка вытеснила жестокость покинутости, которую она почувствовала в тот момент. Ошибочное действие аналитика воскресило фантазм покинутости, вытесненный обоими протагонистами: «Ах, так ты не была покинута? Ну, это мы еще посмотрим!».

Контрперенос, как указывает само его название, не появляется сам по себе, он является ответом бессознательного психоаналитика на перенос* пациента, затрагивающий его слабую струнку, а также его слепые пятна. Он охотно может принять форму тревоги, сновидения после сеанса, изменения настроения, ощущения усталости, реже акта отыгрывания, как в описанной выше сцене, напоминающей малень-

кую комедию. Фрейд вначале видел в контрпереносе в основном лишь препятствие: бессознательное может сильно затруднить психоанализ, следовательно, нет надобности добавлять подобную вторичную помеху. Однако это не помешало Фрейду открыть что-то важное, что впоследствии стало самой плодотворной его идеей: «У каждого человеческого существа в бессознательном присутствует инструмент, с помощью которого у него появляется способность интерпретировать выражения бессознательного другого существа». Так, бессознательное психоаналитика из препятствия превратилось в необходимый инструмент. И это тем более очевидно, чем «сложнее» пациент, чем глубже его регресс и чем более необуздана насильственность и ярость его психе. Пограничный пациент является «диким аналитиком аналитика» (Федида). Второе фундаментальное правило* психоанализа – обязательный «углубленный анализ аналитика» (Ференци) – прямо вытекает из требования обязательно уделять внимание контрпереносу.

Кризис подросткового возраста

Пубертат, генитальная зрелость, возникает у человека позже, чем у млекопитающих, и всегда дает о себе знать неожиданно. Подросток психически к нему не готов. Пациентка Анна прибегает к языку тектонических процессов для описания подросткового взрыва: «Груди растут, появляется странный волосяной покров, начинаются менструации, соски на-

бухают, выскакивают прыщи, кожа на собственном лице становится неузнаваемой, думаешь, что этим все обошлось, так нет... еще и таз раздается». Пубертат больше, чем любой другой период, способствует встрече тела* с бессознательным; опыт телесных изменений, неожиданных и странных, часто приводит к появлению деперсонализации. Борьба с деперсонализацией может принять парадоксальные формы, например, самокастрации, когда объектом мести является кожный покров, кожа, посредством которой Я* сохраняет целостность. Тело находится в кризисном состоянии, психике остается лишь следовать за ним. С одной стороны, подросток сопротивляется, выражая протест всему происходящему. С другой стороны, он достигает предела конформизма: такое же поведение, те же вкусы, что и у других подростков, одинаковое мышление... Одновременно сосуществуют и революционность, и тоталитарность. Переживаемые подростком горечь и скорбь от расставания с детством превышают его возможности и его способность к психической проработке, что приводит порой к возникновению депрессии* или к насилию: любая работа скорби* является работой по отделению, убийственной работой. В растерянности тело уже не знает, какому полу посвятить себя, с каким из них идентифицироваться. Другой, противоположный пол представляется настолько соблазнительным, насколько неизвестным и опасным; свой идентичный пол успокаивает, но при этом подросток может замкнуться в себе.

Разве самое худшее для подростка не в том, что его кризис проходит незаметно для родных? Несомненно, да. И это происходит из-за отсутствия запретов и слова «нет», которое он должен услышать от родителей; подростку необходима встреча с силой и с устанавливаемым ею запретом, но это зачастую невозможно, если со стороны родителей не были проявлены и ненависть*, и любовь*... Для того, чтобы пройти через «кризис подросткового возраста», недостаточно столкнуться со всеми рисками взросления. Для проявления кризиса, который становится вызовом, для его прохождения, подростку необходимо, чтобы те, к кому он обращается (родители), подтвердили наличие кризиса, заметили его, реагировали на него, видели происходящее и принимали в нем участие.

Либидо, см. Скорбь, Нарциссизм, Пластичность, Сублимация

Лицо

Играя с ребенком, мать часто разыгрывает перед ним собственное исчезновение, для этого ей достаточно закрыть лицо лоскутком ткани, каким-то предметом или обеими руками, как минимум, достаточно закрыть рукой глаза, чтобы произвести такой же эффект. Никакая другая часть тела, кроме лица, для этого не подошла бы, поскольку лицо чаще является представителем целого объекта, чем частичного. Лицо – тотальный, цельный объект*. В концентраци-

онных лагерях ложка стала одним из самых значимых объектов, потому что именно ложка удерживала лицо от погружения в миску с похлебкой, позволяя тем самым индивиду и дальше принадлежать к человеческому роду.

Невозможно *увидеть* свое лицо, можно *увидеть* только *себя*. Любить себя означает главным образом рассматривать себя, при нарциссизме главной эрогенной зоной является преимущественно лицо. Простого, обычного зеркала недостаточно для развития нарциссизма, необходимо еще самое первое зеркало в лице матери (Винникотт). Нарциссизм берет начало от лица как от психического тела* и является результатом психогенеза. Чтобы *увидеть себя,* чтобы можно было представить себе свое лицо и получать удовольствие от его созерцания, прежде всего необходимо прочитать в материнском взгляде, «что именно оно является светом ее очей».

Лицо является окном души. Слишком открытым окном, словно для того, чтобы психоанализ смог легче приспособиться. Может ли пациент или аналитик предаваться течению бессознательного мышления, улавливать свободно плавающим вниманием ускользающие образы, если они находятся под угрозой обезличивания?

Ложная самость (придуманная личность)

Бывает, что интеллект является всего лишь одним из симптомов, как и любой другой. Если мать непред-

виденным или хаотическим образом удовлетворяет телесные и аффективные потребности своего ребенка, то ему не остается другого выхода, как «адаптироваться» и к тому, и к другому (Винникотт). Негативные, сложные обстоятельства создают условия для ранних умственных экзерсисов, позволяющих умным детям спасти хоть какую-то часть своего психического здоровья, пусть даже ценой продолжительной склонности к конформизму и избегания любой оригинальности. Обыкновенный фашист, выдуманный Альберто Моравиа (*«Конформист»*), – яркая литературная иллюстрация этого.

Конечно же, мы обязаны психоанализу за то, что он указал на непрерывность психического, простирающегося от нормального к патологическому, но следует отметить, что направление движения обратимо и патологическое зачастую можно обнаружить в чрезмерной разумности. Я, Самость – это отношение индивида к себе, измеряющее чувство аутентичности, подлинности, иногда вынужденное формироваться, скрываясь за фасадом показной имитации и покорного подчинения окружающему миру. Такие люди «как будто» (Элен Дойч) живут, проживая жизнь, которая лишь притворяется жизнью; это жизнь героя без автора, прячущая в тени наиболее опасное: аффекты, эмоции. Аналитик ожидает, чтобы ему «говорили все, что приходит в голову», и такой пациент следует этому требованию, оставаясь тайно встроенным в систему, разработанную другими. Избыток «интеллекта» и «путей адаптации» легко приво-

дит к социальному успеху, но ценой ощущения себя опустошенным и еще более фальшивым, что значительно расширяет фасад, за которым прячется настоящее Я. Так происходит до тех пор, пока отчаяние* заброшенного «ребенка» неожиданно выставляет напоказ настоящее Я, что ведет к провалу, к краху, который общество никак не может понять: «У него было всё, чтобы быть счастливым, и вот...»

Ложь (секрет)

«Родители знают все, даже самое тайное – „мой маленький пальчик рассказал мне об этом..." – и будут знать все, пока у ребенка не увенчается успехом первая ложь» (Тауск). Однако для того, чтобы первая ложь стала *удачной,* необходимы определенные психические условия: появление, как минимум, очертаний границ Я*, формирование внутреннего пространства, интимного ядра, уверенное владение секретом. Корень слова «лгать» во французском (*mentir*) происходит от слова ум (*mens*), способность лгать свидетельствует об остроумии. Право говорить всё определяет свободу, приказ говорить всё – диктатуру. «Только очень больной пациент не способен обмануть своего аналитика» (Бион).

Источник убеждения ребенка в том, что «родители читают его мысли», своими корнями уходит в период начала усвоения речи, «поскольку ребенку вместе со словами передаются и мысли остальных людей» (Фрейд). Взрослый учит ребенка говорить,

«передавая» ему слова, вместе с которыми он передает и свои мысли, и это иногда вынуждает ребенка прибегать к экстремальным решениям, а именно к аутистическим, что может привести к полному отказу от речи. Нередко случается, что психоаналитику приходит в голову парадоксальная мысль: лечение закончится, когда пациент сумеет солгать или более не почувствует себя обязанным говорить все, что приходит в голову.

Первой ложью является не слово, а гримаса, подобная жесту актера. Изменения в лице ребенка, сидящего на горшке, могут указывать на происходящее, давая понять, что он уже все «сделал», но это его секрет («секрет» и «экскремент» недаром имеют одинаковую этимологию), его интимный секрет, который остается хорошо спрятанным. Первой ложью является не слово, а, наоборот, защита от слова, от его интрузии. Способность лгать у меланхолика* отсутствует, потому что его уже ничто не может спасти от ужасной ясности сознания, он весь находится во власти глубокой ненависти к себе. И наоборот, случается, что любовь и ложь связаны между собой: «Мы лжем всю жизнь и, как правило, исключительно лишь тем, кто нас любит» (Пруст).

Любовь

Работая над одним из самых мрачных своих текстов «Недовольство культурой», Фрейд упомянул пути, выбираемые людьми в поисках «счастья». Удовольствие

от «быть любимым» и «любить» — не равноценно, оно может привести к *«выдворенному удовольствию»* и удовлетворяет первичное и страстное желание, нацеленное на «положительное счастье». Как следует понимать тот факт, что этот путь часто избегают, а если и используют, то лишь на короткое время? Как следует понимать, что «генитальный эротизм» уже не так часто находится «в центре жизни»? Это возможно лишь с учетом понимания, что у «искусства жить» есть одно серьезное неудобство: «Насколько мы беззащитны перед страданиями, когда любим, настолько мы подвержены несчастью и отчаянию, когда теряем любимый объект или его любовь».

Также верно, что в любви максимальный риск связан с раскрытием перед объектом с его особенностями. Как известно, существует достаточно физических способов ограничения такой опасности: наложение воображаемого объекта* на реальный (так он становится еще более переменчивым), превращение любви в зеркало, которое каждый из нас носит в себе (когда изымается нарциссическая инвестиция, не оставляя за собой никакого следа) или даже сведение связи к минимуму: «Любовь является всего лишь обменом между двумя фантазиями и контактом между двумя эпидермами, кожными покровами» (Шанфор).

Потеря любви является, по меньшей мере, непредвидимым несчастьем, не относящимся, собственно, к самой любви. Первая любовь не та, которую мы отдаем, а та, *объектом* которой мы являемся, а это

состояние пассивности, связанное с зависимостью раннего детства, оставляет неизгладимый отпечаток: любить – одно, быть любимым – совсем другое, какое разочарование, когда на признание «Я тебя люблю» тебе банально отвечают: «И я тебя» (Барт). В конечном итоге следует отказаться от объектов первой любви: и дело вовсе не в их запрете, из-за этого они становятся только еще более желанными, а в том, что они всегда предавали; и отец, и мать всегда любили другого/другую. Объект любви всегда теряется, худшее всегда бесспорно, оно уже произошло. Настоящая трагедия, с самого начала превращающая любовь в несчастье, навсегда разлучает любимого со своей любимой – проблема, на которой Расин построил весь свой театр, особенно в трагедии «Андромаха»: Орест любит Гермиону, которая любит Пирра, который, в свою очередь, любит Андромаху, которая любит Гектора, усопшего…

Мазохизм (садизм)

Раболепное подчинение, унижение, телесное наказание… известные сценарии, описанные Захер-Мазохом, долгое время приводили к тому, что образ первертного мазохизма обычно связывали с играми индивидов, желающих, чтобы с ними обходились как с озлобленными, неуправляемыми детьми, которым не терпится вкусить «наслаждения ягодиц». Встреча психоаналитиков (М'Юзан, Столлер) с несколькими известными мазохистами значительно видоизменила общую

картину: обилие татуировок, многочисленные ссадины, ушибы, ожоги, истерзанное, изуродованное тело… физическое насилие может стать невыносимым страданием для любого, за исключением желающего и умеющего терпеть. «Кто такой мазохист? Жертва, не упускающая свою добычу» (Понталис). У садизма есть определение: получение удовольствия через боль, причиненную другому; садизм является продолжением агрессии и влечения к смерти*, похоже, что это ни для кого не является секретом. Но как можно было бы назвать наслаждение от собственной боли, доходящей до появления угрозы собственной жизни? Простого объяснения не существует, но Столлер обнаружил в истории нескольких «известных мазохистов», что их медицинское лечение, продолжительное и насильственное, являлось лишь повторением их собственного опыта из детства, ведущего к появлению новой первертной мизансцены, инсценировки прежних извращенных сценариев. Так же была обнаружена эротизация травматизма, превращение банальной боли в рафинированную боль. Любое прикосновение к телу*, включая самое жестокое ощущение страдания и боли, приводило к чувственному возбуждению!

Первертный мазохизм – это всего лишь зрелищная сторона одной из многочисленных составляющих психической жизни, примитивной и обобщенной. «Мазохизм» – само слово наполнено уничижительным смыслом, а его способность превращать в удовольствие физическую боль и психическое страдание

делает его непомерно богатым. Так, нестерпимое становится терпимым, за исключением работы скорби*, благодаря которой мазохизм может быть переработан.

Поскольку садизм касается боли другого, он понятен, о чем говорит известное изречение: «Несчастье одних является счастьем для других». Нельзя сказать то же самое о мазохизме, подрывающем элементарный здравый смысл, содержащем в себе непонятную тайну. «Настоящий мазохист всегда подставляет щеку там, где появляется возможность получить пощечину» (Фрейд). Вечный поиск позиции жертвы находится в сердцевине морального мазохизма, когда удовольствие от боли уступает место удовольствию от несчастий. Это опасная ловушка для психоанализа, когда психическое страдание из двигателя к прогрессу и излечению превращается в бесконечно повторяющуюся самоцель.

Мать (материнское)

Mater certessima... самая надежная мать – хоть бы это было правдой! В лучшем случае она лишь достаточно хорошая. В худшем случае ее образ колеблется между непредсказуемой, равнодушной, вторгающейся, властной, безудержной и...совершенной! Образы матерей, описанных в психоанализе, столько же многочисленны, сколь и разнообразны. На фоне бессчетного разнообразия можно все же различить три типа матери. Помимо регресса* *пограничных** пациентов, Винникотт описал образ *материнского,* который яв-

ляется чем-то большим, чем обычный образ матери, — материнское присутствует лишь у той матери, чье постоянство, надежность — и ни в коем случае не «совершенство» — позволяет младенцу чувствовать *непрерывность* своего существования, что впоследствии позволит ему справиться с любыми переживаниями, криками и гневом и не быть при этом разрушенным. Однако достаточно, чтобы и у такой матери произошел временный отток «материнского», приводящего к его нехватке, и у ребенка сразу как будто земля уходит из-под ног, а тревога становится «немыслимой», не подлежащей ментализации.

Описанная Фрейдом мать соответствует образу матери «маленького Ганса», и это не просто мать младенца, а мать ребенка, наделенного тем, что вызывает так много зависти*, речь идет о матери мальчика. Она убаюкивает его, целует, ласкает, «воспринимает его абсолютно ясно как субститут истинно сексуального объекта» (Фрейд). Она бы ужаснулась, если бы поняла, что она делает, но от этого ее защищает собственное вытеснение. Впрочем, она бы совершила ошибку, если бы забеспокоилась: действуя таким образом, «она учит своего ребенка любить», «снабжает его необходимой сексуальной энергией» и влечениями, без которых ничего значительного не смогло бы произойти в его жизни.

Мелани Кляйн, «гениальному мяснику от психоанализа» (Лакан), принадлежит заслуга описания самой ужасающей из всех матерей. Мать в описании Кляйн как две капли воды похожа на мачеху

Белоснежки, она предлагает тот же тип груди в виде яблока, что и Ева, как мы помним... «Это фантазм* ребенка, иначе, сказка, где сделан набросок ее портрета. Для того чтобы угадать, что у херувима в голове, достаточно понаблюдать за ним, когда он играет, и обратить особое внимание на его обращение с игрушками и особенно на то, как он истязает своего любимого плюшевого мишку. Поочередно бросая-подбирая, разрушая-созидая, критикуя-нахваливая, разрывая-соединяя, кромсая-перешивая свои любимые игрушки... можно заметить, что мать настолько же добрая, насколько и плохая. Мачеха Кляйн греет у своей груди пиранью.

Мать/дочь

Фрейд описывает не только мать мальчика, но и мать девочки. Одна и та же ли это мать*? Женское задает психоанализу таинственную загадку, которая отсутствует у мужского, загадку противопоставления разных полов, невидимого и тайного в одном случае (девочка), явного и открытого в другом (мальчик). В эдиповом периоде мальчик лишь продолжает любить свою мать, любовь начинается в первичных отношениях с ней, девочка же вынуждена провести работу по смене объекта* любви (от матери к отцу), окончательно запутывая карты и теряя надежду на симметрию. Загадки женского неотделимы от загадок раннего периода отношений между матерью и дочерью, таких же темных и так же плохо разли-

чимых, как и тени цивилизаций Миноса и Микен после расцвета Афин, в которые можно проникнуть с таким же трудом, как и на темный континент – метафора, перенятая Фрейдом у Стенли, первого исследователя африканских джунглей, диких, темных и неизведанных. Половая принадлежность сына и его пенис устанавливают различие между ним и матерью сразу после рождения, в то время как между матерью и дочерью, когда подобное рождает подобное, «аккумулируя идентичное» (Франсуаз Эритье), это угрожает рождению превратиться в простое воспроизведение; нередко психогенное бесплодие основано именно на страхе отсутствия дифференциации. У некоторых взрослых женщин возникает потребность прижиматься перед сном к каким-то мягким предметам, погладить свое лицо лоскуточком ткани, чтобы быстрее уснуть (отзвуки «плюшевого мишки»). Это напоминает им ощущения из детства, испытанные от любимой игрушки, являющейся и носителем запахов, и объектом первых прикосновений. Такая игрушка – переходный объект – представляет собой след раннего младенчества, прошедшего под знаком слияния и, разумеется, удовольствия, периода, от которого так и не произошла окончательная сепарация. Другим свидетельством этого является потребность в прикосновении и в прижатии «кожа к коже», особенно выраженная в гомосексуальной* эротике.

Отношения между матерью и дочерью варьируют на протяжении жизни от самого доверительного

понимания до лютой ненависти, при этом они носят отпечаток первосвязи, архаической «цивилизации», «убеленной годами».

Мегаломания, см. Идеальное Я

Меланхолия

Слишком тяжелая, чтобы можно было бы ее удержать, голова покоится на ладони, с трудом ее подпирающей, – такова картина меланхолии (*melas* – черное*,* *khole* – желчь), сопровождающая всю историю живописи и поэзии, от «однообразной истомы» (Верлен) к «счастью быть печальным» (Гюго). Когда меланхолия не является обычной ностальгией, она не только пропитывается желчью, она еще и облачается во все черное, культивируя самое мрачное и пессимистичное, стремясь охладить даже солнце (см. *Sunlights* Эдварда Гоппера). Скорбящий знает, чтó он утратил, в то время как меланхолик ничего об этом не знает. Меланхолия сопротивляется работе скорби*, она противится любому разрешению ситуации потери, она выступает против малейшего различия между живыми и мертвыми. Объект (любви) утрачен настолько, что теряется и сам объект как таковой, оставляя место лишь «утрате».

К картине депрессии* меланхолия прибавляет «безнадежное универсальное отвращение, содержащее в себе глубокую ненависть» (Вовенарг), в пер-

вую очередь отвращение к самому себе. Меланхолику невозможно понять, как кого-то может заинтересовать такое мерзкое существо, каким он является, его упреки в собственный адрес доходят до бреда самоуничижения. Без всякого стеснения он выставляет напоказ свои пороки и недостатки, в полной уверенности, что и другие их не лишены: «Если обходиться с каждым по заслугам, разве кто-то избежит кнута?» (*Гамлет*). «При горе обеднел и опустел мир, при меланхолии – самое Я» (Фрейд). Возможно, потерянный объект не такой пустой, как сам меланхолик, потерянный объект накрывает Я меланхолика своей тенью, от чего Я меланхолика смешивается с потерянным объектом. Ненависть к себе скрывает ненависть к другому, что делает меланхолию похожей на внутреннюю паранойю. Паранойя опасна для других, она может привести к убийству. Меланхолия опасна для самого себя, она может привести к суициду.

Мертвый ребенок

«Я – замещающий ребенок». Его имя несет в себе деформированный след того, кому он обязан, «что родился на свет». «Их имена делают из детей „привидения“», – пишет Фрейд, говоря о тех именах, которые, например, передаются от деда внуку. Но данная родственная связь соблюдает порядок поколений, их последовательность в жизни и в смерти. «Погибший ребенок», его фантазм*, укорененный в психике ро-

дителей, наоборот, остается таким ребенком навеки, ребенком вечным, незаменимым; это особенно заметно в случаях замещающих детей. «Сегодня ему было бы 45 лет». Это не образ взрослого в его зрелости, а образ ребенка с фотографии, благоговейно хранимой, образ комнаты, полной игрушек, к которым нельзя прикасаться. Он не приобрел ни одной морщинки, смерть не имеет к нему никакого отношения; это недоступный соперник, которого невозможно убить, даже мысленно. Здесь стрела времени теряет компас, будущее было вчера.

Эхо «умершего ребенка» порой отдаляется настолько, что становится почти неуловимым, оно больше угадывается, чем обнаруживается. Его следует искать в предыдущем поколении или даже раньше. Чаще всего оно передается по женской линии, волоча свою депрессивную тень от матери к дочери.

Молчание (психоаналитика)

Это была ее первая встреча с психоаналитиком. Озадаченная молчанием того, кто сидит перед ней, – попав в ситуацию, в которой врач, более обнадеживающий и успокаивающий, спросил бы: «Что привело вас ко мне?» – она догадывается, что своим молчанием он призывает ее говорить. Она со слезами на глазах рассказывает свою историю со смешанным чувством тревоги и раздражения. Ее мать всегда была занята собственной персоной, отец был погружен бог знает в какие заботы, не было никого, кто понимал бы за-

брошенного ребенка, каким она себя считала... Она больше так не может, не выдерживает, ей все надоело, она больше не желает... обращаться к глухой стене...

— Вас никогда не слушали?

Молчание психоаналитика — это не поза, а условие для слушания переноса*, в первую очередь для того, чтобы позволить переносу сформироваться. Так как психоаналитик, по крайней мере его персона, отсутствует, молчание позволяет бессознательно вырисовываться образам из жизни. Это и не пустое, и не белое, и не нейтральное, а скорее горнило — ожидание, позволяющее бессознательному пациента выйти из собственного молчания. Молчание и интерпретация* солидарны, как два образа, как две стороны одной и той же работы по трансформации (Видерман). На фоне молчания слова, произнесенные аналитиком в виде интерпретации, получают дополнительный шанс быть услышанными. Однако если психоаналитик молчит из принципа или упрямо и безропотно, согласно своему положению, если он играет роль «я тот, кто я есть», кто «знает», тогда его уже ничто не отличает от бога. Одной из целей интерпретации, подчеркивает Винникотт, является «обозначение пределов понимания аналитика». Будучи двигателем переноса, молчание психоаналитика может стать технической ошибкой, когда далекое от приглашения к свободе словоизлияния оно не служит ничему, а только лишь вновь повторяет мертвое молчание отца или матери.

Навязчивое (компульсивное) повторение

«То, что остается непонятым, возвращается и будоражит до тех пор, пока не получает разрешения и освобождения» (Фрейд). Такое повторение является результатом возвращения вытесненного и представляет собой своего рода призыв; даже когда повторение принимает форму беспокоящего симптома, форму тревоги, боли, оно ищет кого-то, кто мог бы его выслушать и освободить от оков, позволив таким образом распознать первозданное удовольствие, скрытое за актуальной манифестацией неудовольствия.

Например, за неудачами любовной жизни – чередованием новых непостоянных и разочаровывающих любовников – распознать парадоксальную преданность незаменимому отцу. Случается также, что повторение не воспроизводит ничего, кроме самого невыносимого пережитого опыта, который проигрывается как старая изношенная пластинка. Это всего лишь часть страдания, жалоба, направленная, похоже, лишь на то, чтобы указать на бессилие того, кому она адресована. И тогда работа превращается в бесконечный анализ, беспрестанно катящийся вниз сизифов камень. «Когда же вы, наконец, удалитесь, выйдете на пенсию?» Размышляя о принуждении к навязчивому повторению, идущему из самых затаенных уголков психической жизни, где Оно* выступает не более чем как анонимная сила, направленная лишь на разрушение всего, что с таким трудом только что было построено, невольно задаешься во-

просом: удастся ли психоанализу открыть затаенную, туманную зону по ту сторону всякого удовольствия, пусть даже и мазохистического? Или же, охваченный «романтическим» очарованием сил смерти*, он всего лишь камуфлирует с помощью теории все непонятное, что обнаруживается в сфере человеческой практики?

Нарциссизм

Существуют, по крайней мере, два способа разглядывания красивой женщины, когда встречаешь ее на улице: можно просто посмотреть на *нее,* а можно и заглянуть ей в глаза, чтобы увидеть, смотрит ли она на *вас*. Для Нарцисса другой является, прежде всего, зеркалом, в котором он видит свое собственное отражение.

При нарциссизме любовь, которую Я* испытывает к самому себе, всегда присутствует при выборе объекта любви, часто он использует обстоятельства для того, чтобы извлечь из них выгоду для себя. Однако случается и так, что любовь к себе занимает все пространство, а другому остается лишь быть дублем того образа, которым нарцисс является в настоящее время, являлся в прошлом или желал бы являться в будущем. «Скоро, моя любовь, мы станем *одним... Я»* (Вуди Аллен). Парадоксально, но это было произнесено в разгаре страсти, когда казалось, что Я начинает ретироваться перед *идеализированным* объектом, но увы... Нарцисс властвует даже на этом этапе, ни с кем не считаясь. Это признак того... что инвес-

тиции страсти прекращаются, что либидо изымается, все происходит так же, как на песке, на котором не сохраняются ничьи следы, так же, как невозможно сохранить ни малейшего следа старой безумной любви. Сван говорит, вспоминая Одетту: «Могу сказать, что растратил годы своей жизни, что хотел умереть, что чувствовал сильную любовь к женщине, которая мне не нравилась и которая даже не была в моем вкусе».

Нарциссическая ставка, в первую очередь, витальна, она связана с жизнью. Напряженные губы новорожденного обхватывают сосок груди, находя его по наитию. Счастливая встреча губ с сосками, дающая Я младенца иллюзию, что он сам создает то, что находит, – грудь, мир, вызывает любовь к себе того, для кого он сам был объектом (Винникотт). Формирование Я* и установление нарциссизма являются неотделимыми друг от друга психическими движениями. «Я не существует с самого начала как отдельная единица» (Фрейд), обязательными условиями для формирования Я является появление хотя бы очертания его границ, чувства собственной идентичности, основа которых находится в нарциссизме. Парадокс нарциссизма, тем не менее, состоит в том, что он больше разделяет, чем объединяет, любовь к себе включает оба аспекта – следствие первичной интерсубъективности. До появления патологического расщепления* нарциссизм расщепляет Я обычным способом. Можно десятки раз поднимать перед зеркалом правую руку, но всегда увидишь перед собой

в своем отражении вызывающего неприязнь другого, ибо тот в отражении, естественно, всегда будет поднимать левую руку. Такое различие может стать болезненным, когда уже не срабатывает иллюзия идентичности, когда уже невозможно говорить без того, чтобы не слышать себя, не видеть себя... Негатив нарциссизма обнаруживается тогда, когда любовь превращается в ненависть к себе.

Я также является либидинальным объектом, и именно это фактически подчеркивается при нарциссизме, но Я не является таким же объектом*, как любой другой. В отличие от объекта фантазма или от внешнего объекта, Я *заменить невозможно.* Это особенно заметно, когда Я *повреждено, изранено,* в таких ситуациях оно, благодаря своей пластичности*, мобилизует и собирает внутри себя все свое либидо. Существует немало людей, посвятивших всю свою жизнь возведению дамб на Тихом океане.

Невроз навязчивости

«Здесь мы сталкиваемся с совершенно безумной патологией, самое изощренное психиатрическое воображение не смогло бы создать что-нибудь подобное, и, если бы мы своими глазами не видели пациента ежедневно в таком состоянии, трудно было бы поверить в его существование» (Фрейд). «Безумие» принимает форму нелепости, легко затрагивая самые обычные действия повседневной жизни: сон, умывание, уборку, одевание, приготовление к выходу из до-

ма, ходьбу... и при всех подобных действиях, для выполнения которых достаточно было бы нескольких движений, устанавливается церемониал настолько же принудительный, насколько и сложный, причем ежедневный; ритуалы превращают навязчивый невроз в частную религию. Мытье рук по двадцать раз в день, застилка и перестилка постели, пока не останется ни одной складки, проверка перед выходом из дома фотографии детей на тумбочке, оценка ее положения в соответствии с биссектрисой угла, избегание при хождении линий на паркетном полу, проезд только направо от запрещающих знаков... Никаких мыслей, только проверка, счет, колебания, затягивание времени.

За кажущимся *отсутствием смысла* всегда находится смысл, который не всегда удается распознать во время анализа. Амбивалентность, заставляющая ненависть *соприкоснуться* с любовью столь близко, привносит свой щедрый вклад в образование симптомов: изолировать, отдалить, противопоставить, не допустить контакта репрезентаций вещей и мыслей. Невозможно ненавидеть то, что любишь, не чувствуя при этом мучительной вины*, навязчивый невроз является экспертом в своем деле, он мучает совершившего преступление до невыносимой боли и пытается предотвратить новое преступление накануне его совершения, где нет места богохульству, которое может всего одним словом уничтожить скрупулезно построенную мораль: «Если иконка накренилась, я пропал!».

Иногда нам удается реконструкция «первосцены» невроза. Ребенка посадили на горшок намного раньше положенного срока. Он подчиняется тираническому приказу: «*Сохраняй чистоту!*» – но делает это по-своему, скорее удерживая в себе и сохраняя, чем выдворяя, отдавая. В отличие от запора истерического больного, который можно устранить с первых минут психоанализа, больной навязчивым неврозом страдает запорами всю жизнь. Характер такого больного – упрямый, собранный... – и он распространяется также на движения тела. А сексуальная жизнь сопряжена для него с угрозой столкновения с загрязнениями, потом, нечистотами и смешением отверстий. При навязчивом неврозе анус является главным половым органом, который следует избегать, отличая верх и низ, душу и тело; сама мысль, которой *отдаются* полностью, превращается в сексуальную деятельность. Ребенок, посаженный на горшок, экономит свои фекалии, но не скупится на слова, он рано начинает «говорить, говорить, ничего, кроме слов...», психоаналитическая *абстиненция* ему подходит, как перчатка, он просит еще и еще.

Нежность

Игра львицы со своими детенышами ясно показывает нам, что первая нежность – млекопитающая. Невозможно питаться все время телом «матери» без того, чтобы отношения кормления не были бы дублированы нежностью жестов, движений и прикосновений

к коже. Самка подчиняется безоговорочно; у женщины-матери* это проистекает из бессознательного и варьирует от удушающей ласковости до табу прикосновений, отодвигающего младенца к кончикам рук, а в промежутке находится мать, которая ласкает и убаюкивает, смешивая любовь и заботу с удовольствием. Нет ничего хуже реактивной нежности, когда ненависть матери к своему ребенку не находит другого способа выражения, кроме маскировки ненависти в ее противоположности.

Существовала ли когда-либо человеческая нежность, не отмеченная эротизмом? Нежный жест, ласка, содержащаяся в прелюдии сексуальности, несет следы парциальной сексуальности (оральная, анальная и другие) и компромисса между их ингибицией и удовлетворением.

Хотелось бы верить, что не нежность была первым вытесненным* чувством. Офелия ждет чувственности, но получает от своего партнера *всего лишь* нежность: «Он сентиментальный, занимается любовью, не причиняя никакой боли... Но мне нужен мужчина, который прижал бы меня к стенке в ванной комнате!».

Ненависть

Ненависть всегда предметна, ненавидят с уверенностью, которая отсутствует у любви*. Ненависть *знает,* ей хорошо известен ее объект (объект любви *неизвестен*); кто охвачен ненавистью, способен на посто-

янство в существовании, порой на протяжении всей супружеской жизни, в любовных же отношениях постоянство проявляют реже. Ненависть легко ассоциируется с разрушением, забывают, что она является «тонизирующей, она заставляет жить» (Бальзак). Ненависть, которую мы вынашиваем в себе, ненависть, которую мы воспринимаем... Стриндберг писал Гогену: «Мне представляется, что ненависть других вас вдохновляет и укрепляет».

Ненависть и любовь способны трансформироваться из одной в другую, однако речь все же не идет о простой симметрии. Ненависть угрожает существованию объекта, но более глубоко очерчивает границы Я, сопрягая свои силы с силами нарциссизма*, с любовью Я к самому себе. Различия между Я и другим стремятся к упразднению, если их удерживают искусственно, насильно (между сербом и хорватом, между хуту и тутси), нарциссизм сводится к «небольшим различиям», велика опасность, что ненависть яростно разрушает то, что реальность рискует смешивать. Чистота (расы), депортация, чистка (этническая)... Я*, чистота и ненависть обитают на одной территории.

Прежде чем стать деструктивной, ненависть разделяет. Мы обязаны ей первым различием между внутренним и внешним: что нравится ребенку — он проглатывает; что не нравится, он отвергает — выплевывает. Я, преследуя собственное удовольствие, интроецирует хорошее и выбрасывает плохое. «Ненавистное, чуждое Я, и внешнее, прежде всего, иден-

тичны» (Фрейд). Ненависть создает объект*, она *объективирует* его, ее парадокс состоит в том, что она *позиционирует,* утверждает и признает в той же мере, в какой пытается опровергнуть мнение того, в кого она метит.

Объект (частичный, тотальный, переходный)

«Она смотрит и видит – какой *объект* для глаз любовницы!

Ипполит распластался, безучастный и отчужденный» (Расин, «Федра»).

Объект желания, любви или ненависти... в психоанализе это тот же *объект,* что и в трагедии. Независимо от того, относится ли его реальность к внешнему миру или к миру фантазма*, он является тем, через что влечение пытается получить свое удовлетворение. Среди различных компонентов влечения* он является самым переменчивым («Капризный обожатель тысячи разных объектов» – Расин), и это нашло свое отражение в выражении «тип женщин» (или мужчин). Все же следует определить оттенки: единичность «типа» предполагает, что за «разными объектами» проглядывает единственный объект привязанности или неприязни, откуда мы догадываемся, что главная привязанность сохраняется к первым объектам, объектам инфантильной любви. «Найти объект фактически означает найти его вновь» (Фрейд), – а за случайностью встречи угадывается сила судьбы.

«Что означает слово *объект?* Грудь, которую женщина обнажает» (Кинар). Женщина? Сначала первая из них, ибо грудь предшествует матери, первый объект – это *частичный* объект, *парциальный,* являющийся витальным, кормящим и сладострастным одновременно. Прежде чем разные формы сексуальности (оральная, анальная, тактильная, визуальная...) собираются под знаком Эроса, прежде чем они намечают или создают *цельный,* или *тотальный,* объект, они распространяются и возбуждают абсолютно все. Случается также, что объект на всю жизнь остается *частичным,* верным образу фетишиста*, который из всего тела женщины запоминает лишь бюст, сжатый в корсете, или только лицо, на котором удерживается взгляд, которое принято называть зеркалом души и которое является представителем *тотального* объекта.

Objectus, объект – это то, что выставлено напоказ, перед кем-то... Объект противопоставляется, он «объективирует» свою инаковость психического субъекта. Этим он больше обязан отрицающей ненависти*, чем любви, создающей смятение. «Винникотту мы обязаны более прогрессивной и в то же время более детализированной концепцией психогенеза объекта». Первый объект не только частичный, но и тот, на который младенец переносит свою привязанность к матери в ее отсутствие. Является ли он частью Я*, противится ли ему? Почти нет различий между углом подушки, которую сосет младенец, куском ткани, который он держит между пальцами, и плюшевым мишкой, между его кожей и кожей материнской груди.

Оральный (оральность)

В период правления Женевской Республикой Кальвин поощрял торговлю пряностями, но в то же время запрещал подданным употреблять их во избежание излишнего *возбуждения* дворцовой челяди! Значительно раньше монахи Средневековья со злобными проклятьями преследовали «кокетство» женщин, они это делали с такой же энергией и яростью, с которой осуждали внебрачные телесные связи, блуд, поскольку подозревали, что этот язык флирта позволяет окольным способом высвободить свою сексуальность.

Рот является сексуальным органом, и одна из разновидностей предварительных ласк как нельзя лучше напоминает нам об этом. Многое можно сказать об удовольствии* и отвращении, связанных со ртом, о блаженстве гурмана, у которого слюнки текут, о больном анорексией, отказывающемся его открывать, не обойдя вниманием и грешного балагура. Рот может стать половым органом, как и другие части тела, к примеру, грудь, одновременно получающая и отдающая удовольствие, чаще всего бессознательно. Первый опыт удовольствия связан скорее с разными частями тела, чем с одной-единственной.

Начало психической жизни тесно связано со ртом, первым действием Я* является инкорпорация*; вначале нет никакой разницы между питанием/поглощением и любовью, выплевыванием/отвержением и ненавистью. Когда все идет своим чередом, психическое частично отрывается от этой первичной соматической модели. Однако так происходит не всегда,

особенно в случаях алкоголизма и нарушения пищевого поведения, а также и в других, менее драматичных формах: сколько мужчин находят свое «счастье» только лишь при условии превращения своей партнерши или жены в «кормящую мать», часто заставляя ее при этом во всем им потакать.

Оно (бессознательное)

«Я есть другой» (Рембо). Поэт интуитивно постигает, а психоаналитик формулирует гипотезу: нет ничего самого значимого в жизни человека, в его страданиях и радостях, как нет ничего самого чрезмерного в его страстных желаниях или в отвращении, что не нашло бы своего начала в определенном месте психики, недоступном для сознания. Схватка между психическими персонажами иногда пробивается наружу, когда Я* сновидца посреди развернувшегося сновидения, осажденного кошмарными образами, явившимися невесть откуда, зря старается уверить себя: «Это всего лишь сон», – перед тем, как решиться ускорить пробуждение, чтобы полностью избавиться от ночного нашествия прорывающегося наружу Неизвестного.

«Это было сильнее меня, это ускользнуло изпод контроля, это появилось так, вдруг...». Ошибочное действие*, сновидение*, симптомы* сами по себе не предупреждают о присутствии чего-то или кого-то другого, в чьи одежды рядится бессознательное, равно как и те моменты жизни, в которых сознание и разум чувствуют себя переполненными, затопленными изнутри чем-то более сильным. Не существу-

ет ни одного нашего выбора, будь то выбор объекта любви*, интересной для нас профессии, волнующего нас художественного произведения, который не уходил бы корнями в детский опыт и в значимые для нас события. «Бессознательное – это инфантильное» (Фрейд); но не все детское, а лишь его скрытые и запечатленные следы, которые невозможно стереть. Бессознательное игнорирует время, как и противоречия (любовь* и ненависть* адресованы одному и тому же объекту), словно издеваясь над реальностью. Психоаналитический опыт подтверждает эту гипотезу, парадоксальным образом поддерживая неуловимый характер бессознательного, который можно уловить только лишь посредством его дериватов. Бессознательное как *вещь в себе,* на этот раз психоанализ обращается к заслугам интуиции философов (Кант).

От бессознательного к *Оно* меняется лишь название, а также акцент – его образ становится более размытым и хаотичным. *Оно...* инаковость бессознательного становится более безликой по ту сторону вытесненных желаний, которые в поисках выхода, стремясь к *жизни,* пытаются осуществиться, но на них оказывает враждебное, разрушающее давление влечение, очарованное небытием, – влечение к смерти*.

Отец

«Материнство доказано свидетельством здравого смысла, в то время как отцовство является конъюнктурой, построенной на дедукции и на постулате» (Фрейд). Мать – достоверность, отец – гипотеза, воз-

можно, самая первая из всех. Является ли в принципе любая теория *отцовской?* Сексуальная теория происхождения («Откуда берутся дети?»), первая из всех сексуальных теорий, является для молодого исследователя способом задаться вопросом о вкладе того, кто ставит под угрозу его место возле матери.

Не может существовать ничего такого, включая отцовское присутствие, что могло бы служить гарантией психического здоровья; немало психических расстройств, не только безумие Шребера, берут свое начало в патологических отношениях с отцом. Несмотря на это мы почти уверены, что психическое здоровье невозможно, покуда персонажи первой пары, мать и дитя, не отделятся друг от друга без появления третьего, вторгающегося в их дела. Отец является классическим представителем того, кто выполняет функцию символизации, позволяющей психической жизни избежать путаницы и признать различия* (полов, поколений...).

Как получается, что образ отца, гуляющего за руку со своим ребенком, часто вызывает больше эмоций, чем если бы мать делала то же самое? Неопределенность отца является не только обетованием для жизни духа, пробуждением теоретической любознательности, она превращает его любовь, маловероятную по существу, в выбор, в любовь, ожидаемую с надеждой, несмотря на то, что она не проистекает из природной необходимости. Можно и вовсе не иметь отца, но тогда его значимость становится еще больше, в этом случае она нередко является бесценной.

Настойчивый акцент на символической функции отца (Лакан) привел к тому, что было предано забвению его либидинальное участие и соблазняющая роль. Что труднее всего проработать девушке? Увидеть в глазах своего отца желание, объектом которого является она сама, или не увидеть ничего?

Отсроченное переживание (après-coup)

Психоанализ получил множество нареканий, создав образ, легко поддающийся вульгаризации: «К пяти годам все уже сыграно», это низводит каждого до его инфантильного прошлого. Феномен отсроченного переживания особенно усложняет эту примитивную теорию каузальности. В случае Эммы бакалейщик-односельчанин, когда она была еще ребенком, позволил себе неприличный жест в ее адрес. Это событие оставило след в психике девочки, долгое время латентный и пассивный, будто и вовсе исключенный из нее. Так продолжалось до определенного дня (Эмма между тем стала молодой девушкой), пока не вмешались «незначительные» обстоятельства, а именно однажды продавцы магазина (возможно, бакалеи) стали ухмыляться при ее появлении, возможно, насмехаясь над ней; их насмешливые лица всколыхнули воспоминания, вызвали образы прежних оскалов насмехающихся над ней мужчин, подобные картины менялись одна за другой до тех пор, пока вновь не всплыло первое событие, связанное с бакалейщиком из ее села. Коллизия этих двух «событий/толчков», разделен-

ных годами, неожиданно приобретает смысл, не существовавший до того времени, приводя в действие механизм вытеснения* (всегда являющийся последующим) и приводит к развитию истерического невроза и сопровождающего его кортежа симптомов: нежелание выходить из дома, невозможность ловить на себе раздевающие взгляды (чувствуя себя при этом раздетой) без того, чтобы не охватила тревога. В чем «причина» болезни? В случае из детства, вновь пережитом во второй сцене? Ее отсроченное переживание, ретроактивный эффект, не отвечает на вопрос, а лишь инвалидизирует ее. Как будто ему недостаточно нарушить хронологию, он еще вносит в нее беспорядок. Требуются два «события/толчка, чтобы вызвать психическую травму. Феномен отсроченного переживания (après-coup) – ретроактивный эффект – касается не только лишь детства. Не существует возраста, который исключал бы получение тяжелых ударов, превосходящих способности по психической проработке в момент поражения, и возраста, который не существовал бы в нашем бессознательном.

Отрочество, см. Анорексия, Кризис подросткового возраста

Отчаяние (состояние)

Первым криком отчаяния является крик при рождении. Отчаяние, прежде чем превратиться в опыт брошенности, покинутости, является определен-

ным состоянием, состоянием новорожденного, беспомощного, неспособного выжить без посторонней помощи, использовать собственные ресурсы для удовлетворения своих первичных потребностей, как витальных, так и психических. У такой беспомощности имеется и противовес, состоящий в способности усиливать родительские фигуры, наделяя их всемогуществом. Религиозное чувство произрастает из различных источников, отчаяние является одним из них, когда жизнь с ее разочарованиями и безнадежностью повторяет состояние первичной обнаженности при рождении; когда не знаешь, к какому родителю прильнуть, остается лишь обратиться к Богу, у которого есть бесспорное преимущество, несмотря на отсутствие ответа, у него есть терпение выслушивать просьбы, да к тому же в любое время. Отчаяние не ведет к исполнению чаяний, как в писании Иова: «Голым вышел я из чрева матери, голым вернусь». Аддикция*, зависимость от продуктов, приносящих удовольствие прежде, чем они будут поглощены, является другим ответом отчаянию, другой реакцией на него, попыткой с ним справиться. Следует подчеркнуть, что бывает и так, что кто-то вылечивается от одной беды, к примеру, от токсикомании, и попадает в другую, например, в сети религиозной символики (по образцу «Анонимных алкоголиков» или мистических аскетов). Любовь к Богу не столь рискованна, как любовь к мужчинам и женщинам. Предвосхищая всегда возможный сентиментальный разрыв и опасность потерять свою любовь, Лиза заблаговре-

менно готовится к возможному отчаянию: в ее холодильнике постоянно находится солидная партия баночек с едой для младенцев на «первом году» жизни.

«Вы мне нужны!» В аналитической ситуации крик отчаяния появляется, когда сепарация переживается как покинутость, брошенность, как отправление в небытие. В отличие от тревоги* такое отчаяние не поддается анализу, оно лишь требует, чтобы его существование признали. Всякая референция к прошлому, к детству, если ее нельзя проинтерпретировать для изменений пациента, может быть прочувствована больным как насилие или как равнодушие. Крик отчаяния требует лишь одного (невозможного) – найти что-то, чего никогда не существовало: значительную и непрерывную добродетель материнского присутствия, не ведающего, что такое недостаточность матери или ее нехватка.

Ошибочные действия

Мужчина собрался нанести своей матери очередной еженедельный визит, который при всей занятости на службе он не пропустил ни разу. Занятый самодовольными мыслями о себе как «хорошем сыне», мужчина спускается в метро, путает перрон и садится в поезд, следующий в обратном направлении. Оплошность, ляпсус, неуклюжесть, ошибка, забывчивость... эти неудачные, ошибочные действия, акты, промахи на самом деле неудачными не являются. Каждый из них свидетельствует об *удаче* бессознательного, ко-

торому в обход слов или движений удается обмануть сверхбдительность сознательного и преодолеть барьер запрета или цензуры. Ошибочное действие, которое не может быть ни увиденным, ни распознанным, никак не может быть приписано случайности, промах является таким бессознательным проявлением, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Поскольку сновидение может перенести нас в неизведанные просторы, оно придумывает такие небылицы и заставляет нас испытать такие эмоции, которые, казалось бы, нам неведомы; сновидение без особого труда убеждает нас в том, что «Я – это другой», что целостность Я* является иллюзией, что психическая личность расчленена. Никто посторонний не является автором наших собственных сновидений. Но ляпсус, промах могут стать его автором или, по крайней мере, соавтором, им это разрешается, поскольку это совершается исподволь, вполсилы, как если бы они тут были вовсе не при чем. Его союзником является усталость. Ошибочным действием можно объяснить все мелкие неудачи повседневной жизни, несчастные случаи, исчезновение или соскальзывание идей, случайное поскальзывание на лестнице, оговорку, произнесение не того слова. Под покровом этих мелочей исполняется любовное желание, бессознательная ненависть находит свой объект. Преступление приводит к наказанию, пусть даже это преступление не было совершено в реальности, но вы к нему втайне все же стремились. Ошибочное действие всегда свидетельствует об истине, которую мы предпочли бы не знать.

Не существует «внутренней случайности». Так, пребывая под бременем постоянно накапливающихся неприятностей, размышляя, что же он такое сделал, чтобы заслужить все это, думая, не слишком ли много он платит по счетам, мужчина набирает на домофоне код квартиры, где его ждет психоаналитик. Путая цифры, он набирает код своей банковской карточки.

Паранойя

Для аналитика встреча с параноидным пациентом или пациенткой ни с чем не сравнима. Как только такой пациент садится в кресло напротив, в атмосфере появляется особое напряжение, почти опасность. Страшно произнести хоть слово... «А... вы *отбираете у меня мои слова...*». Об интерпретации не может быть и речи, ведь это и так обычный способ мышления параноика, которому все вокруг как будто подает *знак,* причем постоянно враждебный, – интерпретация будет воспринята им как травля, преследование, «убийство души».

В воздухе витает недоверчивость, заговор; подозрительность и ревность генерализуются, и сказать, что все вокруг становится подозрительным, – значит ничего не сказать... Процесс запускается при малейшей оплошности. Параноик одержим единственным занятием – лелеять свою ненависть. В отличие от Я шизофреника*, которое распадается на части, Я параноика, благодаря проекциям, удается сохранить определенную целостность. Он постоянно

ни при чем, всегда виноваты другие. Такой пациент говорит о себе лишь в третьем лице и использует глаголы лишь в повелительном наклонении. Параноик является социальной личностью, и, как правило, ему удается достичь власти и занять высокую должность, за ширмой которой прячется его безумие, на благо тех, кто ему подчиняется, не говоря уже о тех, кого он считает «козлом отпущения». В ситуациях, переживаемых им как социальное *унижение,* параноик по-настоящему становится психотиком, доходящим до бреда.

Среди различных видов бреда (величия, ревности) в его религиозных формах, особенно у святош, внутри паранойи часто обнаруживается дефицитарность нарциссизма: конец света близок, и по этой причине его путают с собственной смертью!

Как становятся параноиками? Простого ответа не существует, можно лишь привести пример самого известного психоанализу параноика – председателя судебной коллегии Даниэль-Поля Шребера. Его отец, Готлиб Шребер, был известным педагогом, имя которого получило особую известность при нацистском режиме; он проповедовал систему воспитания, преследующую цель «навсегда стать властелином своего собственного ребенка», доводя его «до душевной неспособности иметь какое-либо желание»... У тебя уже не будет никогда никаких желаний!

Пассивность, см. Женственность, Соблазн

Перверсия

Перевертировать – менять смысл, переворачивать все наизнанку, фальсифицировать (текст), развращать (души), склонять к пороку... В перверсии сохранилось что-то из церковной латыни. Психоанализ смёл все, что осталось из этой созидательной конструкции. Если *нормальная* сексуальность состоит из «коитуса, направленного на получение оргазма генитальным пенетрированием человека противоположного пола» (Фрейд), и к этому мы могли бы добавить вслед за Бенедиктом XVI: коитуса в «миссионерской» позе, при котором мужчина находится сверху (отцы церкви осуждали позицию *mulier super virum*[1] и считали зачатие единственной целью коитуса), то перверсия – это очень распространенное в мире явление, начинающееся с самого незначительного изменения позы, не считая поцелуев и предварительных ласк. Сексуальное влечение* – «извращенно-полиморфное»; нет в теле* такого места или функции, включая интеллектуальную деятельность, которая не могла бы быть использована в поисках удовольствия.

Психоанализ избавил нас от представления о сексуальной жизни, определяемой лишь ограничениями цензуры и вытеснения. Существует все же риск, что при подобном обобщении критерия извращения теряется то, что придает оригинальность *перверсии взрослых,* которая организует сексуальность принудительным образом, исходя из фантазматического

1 Женщина на мужчине (*лат.*).

(скопофилия, мазохизм, фетишизм и т. д.) сценария. *Ничто не бывает более полиморфным, чем перверсия.* Отнюдь не являясь простым поиском инфантильной сексуальности в чистом виде, перверсия, наоборот, является иммобилизацией, *фиксацией*. Извращенец – это осужденный, скованный в сценарии-окове единственного фантазма*, который он должен во что бы то ни стало осуществить. Скука, одолевающая читателя де Сада, неразрывно связана с навязчивым повторением*.

Объект* влечения* – изменчивый, объект перверсии – *равнодушный*. Он всего лишь объект, он никогда не является живым существом, другим. Достаточно лишь играть роль, отведенную ему фантазмом. Почему именно перверсия защищает извращенца? Во время психоанализа появляется возможность заметить что-то только при разрушении извращенного решения, когда тревога* берет верх, чаще всего, когда депрессия уже появляется на горизонте.

Первосцена (происхождение)

Некоторые из «обитателей моря, самые живые, самые отважные, самые жестокие, занимаются любовью так же, как и мы, люди. Такие опасные монстры, как акулы, вынуждены приближаться друг к другу, самец к самке. Природа навязала им опасность объятия. Жуткое и подозрительное соитие. Привыкшие пожирать, слепо все проглатывать, на этот раз они от этого воздерживаются. Какими бы притягатель-

ными и аппетитными они ни были друг для друга, каждый из них безнаказанно приближается к пиле другого, к его смертоносным зубам. Самка бестрепетно замирает как прикованная, подчиняясь грозным взглядам, которыми самец ее привлекает. И действительно, он ее не пожирает. А она увлекает и тянет его за собой. Сцепленные друг с другом, грозные монстры плавают целыми неделями, будучи не в состоянии разомкнуться, оторваться друг от друга, даже при разыгравшихся бурях, когда море бушует, а они остаются неразлучными, непобедимыми, незыблемыми в их диком объятии» (Жюль Мишле, *«Море»*). Здесь все говорит о насилии, о смешении (где начинается тело одного и где заканчивается тело другого?), Мелани Клейн упомянула бы «комбинированных родителей», говорила бы о страсти, об опасности и тревоге*, которые вызывает эта адская сцена, объединяющая в фантазме* ребенка его родителей в соитии. Сцена, пленительная и невыносимая; Эдип выколол себе глаза, увидев эту сцену слишком близко, и, наоборот, терзаемый любопытством вуайерист готов всю жизнь смотреть в замочную скважину, словно его взгляд (глаз) прикован к отверстию замка. До какой степени умножение позиций на сцене коитуса является попыткой поиска первосцены, из которой наверняка родился каждый из нас? «Меня там не было, той сексуальной ночью, когда я был зачат» (Кинар); источник, начало – это отсутствующая картина, картина, которой не хватает. Безусловно, нет ничего страшнее, чем услышать: «Ты – результат неудачного ма-

невра, когда твой отец попытался прервать акт, было уже слишком поздно».

Перенос

«Это странно, что пациент реинкарнирует в своем психоаналитике персонажа прошлой жизни» (Фрейд). Иногда бывает еще более странно… «Я пришла *вновь увидеть* вас…» Еле выговорив свои первые слова, Бланш замолкает, сильно взволнованная, будто пораженная. Это ее первая встреча с психоаналитиком, она впервые *видит* перед собой молчаливого мужчину и первые ее слова оказались ляпсусом, оговоркой, уже своего рода способом *сказать то, чего не знаешь.*

— Вновь увидеть меня?

Она тут же вспоминает своего отца, «мужчину, похожего на Конрада», говорит она, не просто умершего, но незнакомого и исчезнувшего, навсегда уехавшего в путешествие, и лишь краткое письмо известило их о его смерти на противоположном конце света. Когда перенос в состоянии взбудоражить бессознательное, привести его в действие, *разбудить* страсти и заставить их играть, превратить прошлое в *настоящее, повторять то, чего никогда не было и никогда не имело места,* разве что только в фантазме* — воссоединение дочери и отца, — когда такое случается, слово «реинкарнирнация» не кажется преувеличением.

Перенос — это загадка, которая является одновременно и двигателем, и вектором психоанализа. Желая проиллюстрировать свое изумление перед

вторжением переноса (что бы при этом ни повторялось, любовь* или ненависть*, удовольствие или отчаяние*...), Фрейд ссылается на такую картину: внезапный пожар в театре прерывает спектакль. Однако для того, чтобы это сравнение имело смысл, следует уточнить, что именно пьеса, которую играют на сцене, и спровоцировала пожар! Перенос не появляется извне, условия для его возникновения создаются аналитической ситуацией, она пожинает то, что сеет: и той манерой поведения, когда аналитику нужно *отстраниться* и *отсутствовать,* отказываясь от обычных форм общения, и молчанием*, и уединением в своем кресле, и стиранием собственной персоны... открытой демонстрацией *отказа* от вмешательства в реальность, нежеланием давать советы – психоаналитик преподносит себя как пространство для проекций, как призыв к переносам. «Пространство», которое не может не взволноваться тем, что получает; «контрперенос» как нельзя лучше нам это показывает.

Пластичность (либидо)

«Психоанализ отмечает необходимость наличия некой дозы психической пластичности» (Фрейд). Пластичность... само это слово ассоциируется со скульптурой, с созданием новых форм, для творения которых требуется достаточно гибкий материал. Однако, к сожалению, так происходит не всегда, перечень препятствий на пути психических изменений несконча-

ем. Среди часто встречающихся препятствий следует упомянуть чувство ненависти*, не поддающееся переработке, нарциссизм* и его центростремительную динамику* отвода либидо в Я и его концентрацию на себе, витальное беспокойство, диффузное плохое самочувствие – состояние, когда психика зависает между «быть» или «не быть». И тогда о какой подвижности может идти речь?.. Апоптоз, феномен смерти клеток, удачно иллюстрирует «ваяние живого» (Амейсен); пластичную реформу психической жизни скорее можно ожидать со стороны Эроса и сексуальных влечений*. Однако и здесь препятствия налицо: «вязкое» либидо, фиксированное на позициях, которые оно покидать не собирается, вытеснение*, не желающее знать ни о чем, следы тревоги*, напоминающие проторенные дороги, мазохизм, манипулирующий страданием в свою пользу... Дело в том, что сексуальные влечения обладают бесценной потенциальной возможностью смещения, в результате которого меняется объект, способностью следовать за невидимым и незнакомым, и, наконец, *через* сублимацию достигать цели (социальной, интеллектуальной, эстетической...), *явно* не имеющей ничего общего с сексуальной целью. Сексуальные влечения (оральные*, анальные*, генитальные, скопические, эпистемофилические...) связаны друг с другом «чередой сообщающихся каналов» (Фрейд), и если какой-то из них заблокирован, всегда можно выбрать другой.

Без подобной пластичности либидо никакая работа скорби* не смогла бы быть проделана, ни одну

историю невозможно было бы переписать, ни один объект невозможно было бы создать = найти вновь. Без такой способности к смещению, унаследованной от полиморфной инфантильной* сексуальности, не смог бы осуществиться *перенос** или же перенос, этот гибкий и пластичный материал, положительно необходимый психоанализу, был бы недостаточно выраженным.

Пограничное состояние

Прежде чем стать психоаналитиком, специалистом по пограничным состояниям, Маргарет Литтл сама была пограничным пациентом и проходила анализ у Винникотта. Однажды в порыве отчаяния и гнева она встала с кушетки, желая разбросать книги с полок библиотеки, но передумала и выпалила свой гнев на большую вазу с белыми лилиями, разбив ее и в ярости раздавив ногами. Чему могли бы послужить обычные инструменты психоаналитической навигации: свободные ассоциации пациента, свободно плавающее внимание психоаналитика и интерпретация на фоне такой бури? Трудности начинаются с изложения фундаментального правила для таких пациентов, которых тревога без репрезентации скрючивает в тишине на диване, и таких, которые без умолку и без каких-либо задержек говорят о самом интимном, поскольку возникает вопрос, какой смысл может приобрести для таких пациентов призыв «говорить все, что приходит в голову»? Так, по-

граничный пациент вновь поднимает вопрос *границ* в психоанализе.

Теория вселяет надежду на существование ясных различий между страдающим невротиком, страдающим психотиком или первертом. Однако теория не может помешать существованию того, что пока ею не охвачено и не объяснено, а жизни ничто не мешает смешивать и то, и другое.

Пограничные пациенты используют психотические механизмы защиты (расщепление*, отрицание, проективная идентификация...), но когда пограничное состояние развивается, принимая опасные формы (депрессия, аддикция...), при таком развитии «выбор» происходит не в пользу пути психоза*. Нередко обнаруживается сплетение между нормальной социальной жизнью и «частным безумием» (А. Грин).

Кому тяжелее всего? Всем остальным, в первую очередь тем, кто их, пограничных пациентов, любит, кто так мало получает в ответ на свою любовь. Присутствие родных и близких людей насколько необходимо, настолько и невыносимо. Психоаналитику прекрасно известен этот горький опыт. За неспособностью находиться в одиночестве, за путаницей между отсутствием и исчезновением часто вырисовывается «единственный объект неприязни», примитивная мать*, которая, как ни парадоксально, незаменима в той же мере, в какой она сама была отвергающей или игнорирующей ожидания любви со стороны ее ребенка. «Милый, перестань плакать, ты достаешь всех».

Прелюдии (предварительные ласки)

Человек выдумал не коитус, а только прелюдию к нему. Существовавшее длительное время отсутствие различий между инстинктом и влечением, между генитальным и сексуальным являлось следствием понятия разрядки, определенной Фрейдом как монотонная цель влечения*. Прелюдия, эта бесконечная сексуальная игра, – прямая наследница инфантильной сексуальности*, наоборот, указывает, что какая-то часть влечения «противится *полному* удовлетворению», выступает против оргазма – «маленькой смерти», против удовольствия. Напряжение и удовольствие, нимало не исключая друг друга, наоборот, взаимно усиливаются. Тысячелетнее творение мудрого Ватсьяяны «Кама-сутра» призывает воздерживаться от оргазма как можно дольше: «Наслаждение без воздержания уничтожает самое себя». В этом произведении сексуальные отношения описываются как хореография, у которой нет почти никакой связи с происходящим при естественном, примитивном коитусе. Сексуальность становится *эротическим искусством*.

Прелюдия является не только самой человеческой стороной сексуальности, она обуславливает встречу полов. И поскольку в этой игре женщина «менее находчива, чем мужчина», Амбруаз Паре, достойный последователь медицины Гиппократа, советует мужчине «баловать, щекотать, будоражить, трогать, нежить и ласкать» партнершу, которую в противном случае «будет трудно простимулировать».

Привязанность (холдинг)

«Младенец, такого не существует...», «нет такой вещи, как младенец». Посредством лапидарной провокации Винникотт подчеркивает очевидное: сохранение жизни в начале жизни есть не что иное, как *само*сохранение. Для того чтобы родиться, жить и выжить, в частности психически, требуется участие, по меньшей мере, двоих. Довольно длительное время психоанализ ограничивался тем, что сводил первичную нужду лишь к голоду и жажде. Психоанализ тогда был далек от учета потребности в теплых отношениях, защиты, безопасности, нежности... Сенсорный обмен (улыбка, плач, вокализы) новорожденного с объектом его привязанности, обычно матери, многообразен и интерактивен. Трехдневный младенец способен различать голоса и поворачивать голову к уже знакомому лицу и к лицу того, кого он предпочитает. Эта ранняя способность, открытость к первичным объектам отнюдь не обеспечивает младенцу быстрого обретения самостоятельности, а, наоборот, делает его еще более зависимым от окружающей среды. Когда инстинкты обеспечивают младенцу равновесие со средой, его жизнь движется своим курсом с той только разницей, что человек отличается от примата. Депрессивная, непредсказуемая (то вторгающаяся, то равнодушная), враждебная, переполненная и переполняющая (чувственностью или вниманием и заботой) мать... вот где коренится будущая неустойчивая психическая жизнь. Из-за нехватки, недостаточнос-

ти материнского ухода в Я* ребенка остаются следы и последствия: хрупкость, трещины, раны... Если они бессознательные, то не потому, что неприемлемы, подобно вытесненному, а потому, что не были репарированы, преобразованы, распознаны, признаны. Ибо они находятся в конфронтации, если пациент *пограничный,* а психоанализ подобен акушерству: помогает наконец родиться! Для того чтобы изменить жизнь, ее необходимо прежде всего иметь.

Природа не терпит пустоты, она ее боится, как и новорожденный. Он обнаруживает гравитацию и поддержку сразу после рождения. Если его плохо держат на руках («mal porté»), недостаточно хорошо чувствуют психически, что-то в нем ломается, рушится. «Первая любовь идет снизу» (Винникотт). Грудной младенец – существо, «носимое по воздуху», некоторые фобии полета ясно доказывают это, особенно когда диван/кушетка* недостаточно, дефицитарно поддерживает пациента, превращая кушетку в кровать упреков и страдания. Для того чтобы можно было сесть на самолет (или начать анализ), не испытывая никакой другой тревоги, кроме легкого беспокойства, тем более чтобы предаваться сну во время полета, без снотворного и без виски, следует внутри себя полностью довериться тому, кто тебя носит.

Принижение (женщины)

Принижение женщины свойственно мужской сексуальности, и даже если не все мужчины проявляют

это желание вовне, оно не теряет своей всеобщности: трудность состоит в способности сочетать нежность* и чувственность по отношению к одной и той же женщине. «Если они любят, то не желают, а если желают, не могут любить» (Фрейд). Это классика любовной жизни, и у нее есть социальное решение, к тому же традиционное: в несколько устаревших терминах оно состоит в разделении жены и любовницы. С одной из них, нежно любимой, бесконечно уважаемой и почитаемой, сексуальная жизнь капризна, легко нарушается, доставляет лишь немного наслаждения и нередко грозит мужчине импотенцией. Другая – приниженная бестия Нана, униженная до состояния животного, чувственная, либидинальная, которая при полном отсутствии «утонченности» приносит максимум наслаждения.

Фрейду никогда не представляло труда показать, что за таким разделением: с одной стороны, нежность, с другой, чувственность – прячется объект* фантазма, который, в свою очередь, и сам расщеплен. С одной стороны находится Мадонна, матерь нежности, ценный объект детской любви, с другой стороны – та, которая каждую ночь закрывается в комнате с [другим] мужчиной... отцом. Бессознательное не учитывает деталей, потому что тонкие различия не являются его сильной стороной. Мадонна и проститутка являются двумя сторонами одной медали. Разве и сам ребенок не рождается вследствие материнской измены, в результате «сексуальной ночи»?

Каким бы сильным ни было бы желание*, соседство с инцестуозным объектом фантазма* вынуждает мужчину придерживаться почтительного расстояния. В фильме «Анализируй это» гангстер, которого играет Роберт де Ниро, в подавленном состоянии отвечает своему аналитику, который его спрашивает, почему он не позволяет себе особую прелюдию со своей женой: «Вы совсем не соображаете, этим ртом она каждое утро целует моих детей!».

Предложенное Фрейдом «решение» для избавления от разрыва мужчины на части сохранило немного запаха серы: на самом деле у мужчины не бывает по-настоящему свободной и счастливой любовной жизни, если он не «преодолел уважение к женщине» и не освоился «с репрезентацией инцеста с матерью или сестрой».

Проекция, см. Паранойя

Происхождение, см. Первосцена

Психическая каузальность, см. Отсроченное переживание

Психическая реальность

Представителю позитивизма, человеку науки хорошо известно, что *реальность* является объектом меры; он *знает* со свойственным ему чувством юмора, добро-

вольно доведенного до насмешки над самим собой, что «челюсти в одноименном фильме – не что иное, как протезы», и что «гигантский кальмар капитана Немо был разрезан на кусочки», что все то, что он представляет себе «двигающимся под водой», кромсающий краб или жалящий усач, несет опасность не настолько очевидную, насколько воображаемую... Однако даже если страх всего лишь воображаемый, от этого он меньше не становится. Случается, что даже умелого пловца, хорошо держащего «голову над водой», охватывает непреодолимая тревога*, как только он отдает себе отчет в том, что не достает ногой до дна.

В «психической реальности» именно *реальность* таит в себе загадку. Простота слов, смещая иерархию, установленную между реальным и воображаемым, обратно пропорциональна сложности ее понимания. Каким образом «безумная» реальность фантазма* приводит к победе над реальностью разума? Достаточно вспомнить о членах комиссий различных психологических экспертиз, подтолкнувших правосудие к совершению непоправимых трагических ошибок, поскольку они были введены в заблуждение психической *реальностью.* Чем менее осознан фантазм*, чем больше он бессознателен, тем больше он нас побуждает к тому или иному выбору или отказу, тем больше мы *говорим и действуем* под его влиянием, тем больше его *реальность* становится нашей реальностью, тем больше внутреннее подает команду внешнему, *внутреннее* приказывает *внешнему.* Бессознательные репрезентации подобны *вещам,* они,

словно клубок желаний и тревог, принуждают материальную реальность принять их собственную *реальность,* по меньшей мере, везде, где это возможно; при психозе*, где их успех грандиозен, они вообще сметают все на своем пути.

Психический конфликт

Противник, подлежащий *вытеснению,* атака на линии *защиты,* яростное *сопротивление...* психическая жизнь – это хроника конфликтов. Столкновения между Я и внешней реальностью неизбежны, но главный антагонизм проявляется по отношению к внутреннему врагу, от которого невозможно сбежать и которого невозможно победить. Ты должен подчиняться ему, компрометировать себя, договариваться... а иногда даже освобождаться, когда вытесненное* вновь возвращается.

Психическая личность разделена, даже если Я* с его явным предпочтением синтеза прилагает усилия для того, чтобы поддерживать относительное единство. Равновесие является еще более хрупким, если учесть, что противник обладает множеством лиц. Одно лицо – это Сверх-Я*, принимающее форму непреклонной авторитарности, давящей как чугунный гнет на жизнь и удовольствия, подобно кальвинистскому богу. Другое лицо – это Оно*, выражающее безудержное влечение, желающее «прямо сейчас, немедленно»; ему требуется удовлетворение, не ведающее никаких границ. Между Кальвином и Дио-

нисом... то, что история разделяет, Психея воссоединяет.

К счастью, остается еще одна уловка, уловка юмористического бессознательного. Жюльен – молодой, высоконравственный мужчина. Влюбленный и верный своей партнерше, он сопротивляется всему, что он чувствует в себе, что ощущается им как желание, испытываемое им ко «всем женщинам». И особенно к последней, милашке, только что поступившей к ним на службу; именно к ней с ее вызывающим декольте. Он избегает смотреть на нее, а если некуда деваться, «завязывает себе глаза»!

Психоаналитическое лечение

Запрос на анализ может быть связан с повторяющимися любовными разочарованиями и неудачами, колеблющейся сексуальной ориентацией, афонией, возникающей каждый раз перед публичным выступлением, страданиями из-за мрачной и несуразной жизни, нестабильной эрекцией, неуемной, заполняющей всю вселенную матерью, никогда не проявлявшим любви отцом, смертью близкого человека, неудавшимися попытками зачать ребенка, отвращением к половой жизни, сексуальной аддикцией, не оставляющей никакого места для чего-то другого, тяжелой соматической болезнью, обострением тревоги* после удачного лечения фобии* с помощью поведенческой психотерапии, депрессивностью, гасящей все порывы и устремления, неустанной ревностью.

На анализ приходят также из-за так никогда и не написанной книги, из-за так никогда и не найденного кого-то, кто мог бы выслушать... обращения к психоанализу неразрывно связаны с опытом человека. Нам кажется, что несчастья приходят извне — «ад находится снаружи», но мы инстинктивно чувствуем, что существуем не просто так, что живем для чего-то, что мы что-то можем изменить, что мы сами должны измениться внутри, чтобы изменения произошли и снаружи. Сами того не ведая, мы приходим на психоанализ, чтобы изменить прошлое, переписать свою историю, выявить ненависть*, скрывающуюся за показной (или инверсированной) любовью*, чтобы найти в своих неприятностях и неудачах тайное удовольствие, обнаружить собственную каббалу, в которую заключили себя сами и которую не желаем покинуть. Одно из непредсказуемых последствий обращения к аналитику состоит в обретении немного большей свободы, чем раньше.

Психоз

Это было в старом приюте, плохо отапливаемом, полном сквозняков, который зимними вечерами становился еще мрачнее. Закутанная в пальто психиатр, врач-интерн, недоумевала, как больной шизофренией молодой человек, стоящий перед ней в одной распахнутой рубашке, мог оставаться таким безразличным к ледяному холоду. Указывая рукой на свою грудь, начинающий доктор спросила его: «У вас здесь

не болит?». Он продолжал на нее смотреть. Смотреть – неправильное, неподходящее, ошибочное слово, поскольку оно предполагает наличие рефлексии, а между ними двумя никакого взаимообмена не произошло, она скорее почувствовала его проскользнувший взгляд, заметила, что его зрачки были лишены способности зеркальной ретрансляции, и потому они не смогли вернуть то, что было ему «адресовано». Затем он протянул руку и положил ее туда же, где чуть раньше была ее рука, на *ее* грудь… «Нет, у меня здесь не болит».

«Я есть другой» – эта формула уже непригодна, *«другой есть Я»* подходит лучше, чтобы выразить *отчуждение, безумие* при психозе, когда неизвестно, где начинается внутреннее и где заканчивается внешнее! Если спросить психотическую мать, почему она не кормит своего плачущего младенца, которому пора есть, она отвечает: «Я не голодна». Я* – это инстанция, находящаяся на границе; никто лучше психотика, у которого грань между внешней и психической реальностью утрачена, не позволяет нам это заметить. Мир, в котором развивается психотик, состоит из причудливых объектов, как «картины сновидений» (Бион). Основная работа психоаналитика с психотиком состоит в поиске того странного места, откуда психика начинает переделывать мир, найти ту точку зрения, которую мы сами не смогли бы себе никогда представить, но которую сновидения*, состояния, наиболее переполненные галлюцинациями, могут нам показать.

Если спросить невротического ребенка: «Ты чем видишь?», – он ответит: «Глазами».

«Солнцем», – ответит ребенок-психотик.

«Ты чем слышишь?»

«Ушами», – скажет первый.

«Музыкой», – ответит второй.

Психосоматика

Пациенту, страдающему гипертонией, каждый день угрожает опасность инфаркта. А так как кардиологам латынь уже давно не помогает, они посоветовали ему пройти консультацию у психоаналитика, что он, в конце концов, вопреки собственному желанию и сделал. Речь идет о мужчине-предпринимателе, строителе, работающем в горной зоне, его работа на строительных объектах, как и его материальное состояние, зависит от погодных условий.

«Снятся ли вам сны?» – спрашивает его психоаналитик... «Да». «Не смогли бы вы рассказать мне какое-то сновидение?..» «Идет снег, идет снег, идет снег...»

Психика и тело являются сообщающимися сосудами; когда психика слишком перегружена, она легко перебрасывает свой груз на тело, но это никак не решает проблему. Этот путь по случаю используется каждым из нас, но некоторые психосоматические пациенты отдают ему предпочтение. Как правило, таких людей объединяют сходные характеристики. Их мышление является «оператуарным» (Марти,

де М'Юзан), оно довольствуется лишь дублированием поведения, инструментом которого является, интересуясь лишь настоящим. Воображение, фантазмы* отсутствуют, так же как аффекты и воспоминания о прошлом. У невротиков* репрезентации отделяются от аффектов, высвобожденная при этом тревога превращается в симптом* (к примеру, в фобию*); у психосоматических пациентов, наоборот, все отсутствует – и фантазм, и тревога. В примере нашего пациента-гипертоника сновидения лишены своего онейризма. Нет никакой ощущаемой тревоги, есть одно лишь страдающее тело. Отношения с остальными людьми дезаффектированы.

При соматизации отсутствует символический смысл, подобно отказу видеть при истерической слепоте, соматизация не является также способом коммуникации; тело, соматизируя, никому ничего не собирается сообщать. Соматизации напоминают примитивные способы выражения, а также коммуникацию раннего детства, довербального периода; ребенок пока еще не овладел речью (Джойс Макдугалл), а потому пока еще разделенные между собой, не до конца интегрированные психика и тело вынуждены взывать к другому через анорексию*, мерицизм, колит, колики, экзему, астму...

Равнодушие

«Жизнь со всеми своими горестями и страданиями лучше смерти сердца, называемой равнодушием»

(Бальзак). Быть любимым, быть ненавистным – и то, и другое состояние создают чувство непрерывности нашего существования. Психическая хрупкость человека, доходящая до неуверенности в идентичности, также является преимущественно следствием равнодушия. Трудно существовать, сложно быть и чувствовать себя живым, если не был инвестирован в достаточной степени. Быть – это аббревиатура от «быть любимым» или «быть ненавистным».

Равнодушие могут испытать вновь и вновь только те, кто однажды уже столкнулся с равнодушием в раннем детстве, для других оно ничего не значит; для тех, от кого оно «исходит» (родитель-меланхолик?), равнодушие – это не аффект, это отсутствие аффекта. И это тем удивительней, что равнодушие возобновляется при каждой новой клинической встрече: пациента ничего не трогает, не цепляет, не волнует, не связывает, ничего не задевает, ничего не удерживает, даже не сковывает, ибо ничего не захватывает больше, чем не – инвестиция, «объектом» которой, как ни парадоксально, он являлся! Родительское *ничто* для ребенка является всем. И это пронизывает настолько глубоко, что, взрослея, он на всю жизнь остается привязан к устам, которые так и не разомкнулись, к губам, которые ничего не произнесли, и именно потому, что они ничего не произносят. Пронизывает вплоть до того, что, будучи уже взрослыми, в качестве «компаньона» или партнера такие люди выбирают себе спутника, для которого они не существуют.

Так, Эмили, зайдя на псарню с мыслью присмотреть себе щенка, выбирает самого одинокого, самого уродливого, на которого никто не смотрел и которого никто даже не замечал, которого никто не хотел... и никогда не захотел бы. И поскольку щенок из-за отсутствия инвестиций довольно быстро погибает, попав под машину, девочка равнодушно возвращается на псарню и с легкостью находит ему замену в виде такого же несчастного двойника.

Различия

В бессознательном* не существует отрицания, противоречия или различия. Нет градаций уверенности в отношении исполненных желаний, а есть лишь вариации в инвестировании в зависимости от их содержания. Бессознательное, инфантильное не говорит «нет», в нем сосуществуют ненависть и любовь, мужское и женское, активное и пассивное, живые и мертвые... Присутствует все, оно не ведает, что такое отсутствие. *Организация* психической жизни, конструкция, созидание субъекта, структуризация личности происходят *не благодаря* бессознательному, а *вопреки* ему. Все различия, такие как: различия полов, поколений, различия между внутренним (психической реальностью*) и внешним (материальной реальностью), между живыми и мертвыми, душой и телом*, оральным* и анальным*, запрещенным и разрешенным, отсутствием и смертью — все эти различия указывают и на их отдаленность от первич-

ных психических процессов, «регулирующих» бессознательную жизнь.

Невроз представляет собой патологию конфликта, который устанавливается именно в точке столкновения между «да» бессознательного, ищущего всего лишь своего исполнения, и «нет» высших систем психической жизни, желающих сохранять различия. В рамках невроза различия проявляются в форме конфликта. Но существует и другая патология, где вмешательство первичных процессов происходит за счет игнорированных или отвергнутых различий. Перверсия* ничего не желает знать о различиях полов или поколений; психоз* – о том, что внутреннее противопоставляет внешнему; меланхолия* – о том, что отделяет живых от мертвых; пограничное состояние* – о том, что отличает отсутствие от окончательной потери...

Расщепление (Я)

Уже собираясь отойти ко сну, Фрейд видит, что в купе его спального вагона заходит усталый старичок, фантом, явившийся прямо из царства мертвых; он отдает себе отчет, что это его собственное отражение в зеркале, образ не *его самого, а другого его-самого,* неизвестного ему, воплощенного на миг в зеркале. Образ, соответствующий возрасту его артерий, в то время как у другого не было еще ни одной морщинки; первое Я принимает реальность, второе игнорирует ее или отвергает. Обычное расщепление Я, мгновенье

деперсонализации, жути, беспокоящей странности — обычные «психотические» явления повседневной жизни, когда бессознательное выплескивается скорее извне, чем изнутри. Выходя от парикмахера, в зеркальном отражении витрины случайно встречаешься с глазами незнакомца — и тебе потребуется несколько мгновений, прежде чем узнать в нем себя.

Между Я и вытесненным существует дверь, которую Я подпирает, стремясь держать ее закрытой, тогда как вытесненное толкает ее с обратной стороны или, в крайнем случае, пытается проникнуть через окно. Между расщепленными частями Я существует окно, прочное и невидимое, которое мы способны заметить, лишь ударившись об него головой. В траншейной схватке, которое Я ведет с бессознательным, расщепление выступает как окопная линия. Будучи не в состоянии одному справиться со своим противником, Я расщепляется, чтобы спасти то, что еще можно спасти. Я разделяется, но делает это не для того, чтобы лучше властвовать. Психозы* и перверсии* часто к этому прибегают, уже не особо хорошо понимая, где проходит линия, разделяющая внутреннее и внешнее, психическую реальность от внешней реальности.

Психоанализ достаточно хорош, чтобы придержать дверь и позволить вытесненному войти и, в лучшем случае, освободиться от него. Но для того, чтобы воспользоваться несвоевременно открытым окном, у психоанализа нет «путеводителя», *Оно** просто приходит. Расщепление начинает расшатываться, прежде чем устраняется...

Регенерация, см. Депрессия

Регресс

Невозможно повернуть время в обратном направлении, возвращение назад возможно только в пространстве. Понятие «временнóй» регрессии питает иллюзию возвращения на любой из этапов психосексуального развития вплоть до отправной точки, как это происходит при депрессии, когда больной, подобно младенцу, лишь спит и ест. Регресс ведет не столько в минувшие времена, сколько к тем точкам, на которых мы остались бессознательно *фиксированными,* которые мы никогда по-настоящему и не покидали. Парадоксально, но «временная» регрессия *игнорирует время,* она скорее свидетельствует о *присутствии* некоторых примитивных психических форм. Чтобы попробовать проиллюстрировать форму актуализации инфантильного, примитивного в нас, Фрейд прибегает, прежде всего, к образу Йеллоустона, картине природной резервации, сохраненной в своем первоначальном состоянии. Но бессознательное не является состоянием природы, оно состоит из происходящего, в нем все содержится в одной плоскости, пребывая в одном пространстве (психика обширна), бессознательное — это совокупность определенного опыта, без иерархии и без истории. Инфантильное — это скорее фрагмент натуры-природы, чем самая полиморфная из культур, своего рода Рим, в котором соединяются без разделения, без разрушения первый

палисад Рима, окружавший Палатин, храм Юпитера Капитолийского, Дворец Фарнезе...

Психоаналитическая ситуация побуждает к регрессу, приглашает в путешествие. Дороги, ведущие от одного Рима к другому, проходят через свободные ассоциации, при которых язык* уже не является хозяином направления, которому он следует; положение пациента лежа на диване* облегчает возвращение к образам доречевого периода, картинкам, мечтам и грезам, если не к сновидению*, через актуализацию, воплощение, реинкарнацию (переносы*) того, что мы называем *персональной драмой* жизни, особенно детства. Анализируемый обращается со словами как с вещами, рассматривает картины и «становится ребенком» чаще, чем подобает.

Садизм, см. Анальный, Мазохизм

Сверх-Я

Рисунки, сделанные им в дошкольном возрасте, наполняли его родителей надеждами, но позже, когда началась учеба, сначала Баске, потом Поллок пришлось признать: Жюль уже не мог рисовать, не прибегая к помощи *линейки,* мог расплакаться, когда *это его переполняло.* По крайней мере, в одном аспекте – интериоризации родительского авторитета во время угасания эдипового комплекса* – появление Сверх-Я становится «заметным». Теперь закон соблюдается изнутри. Если его строгость часто превы-

шает границы разумного, это происходит не только потому, что внешнее становится внутренним, а потому, что вместе с ассимиляцией авторитарности родителей ребенок бессознательно идентифицируется с их Сверх-Я, становясь таким образом «носителем традиции, ценностей, проверенных временем и переходящих из поколения в поколение» (Фрейд). Симону трудно отличать психоанализ от семейной религии и сеанс от покаяния: «Это как если бы вы мне сказали: для вас существует отец, мать и священник, и будет три сеанса в неделю!».

И все же, доверяя подобной теории, нам не просто понять, что строгость Сверх-Я может быть иной, а не пропорциональной полученному воспитанию. На самом деле выходит почти наоборот: при свободном воспитании рождается жестокое Сверх-Я. Всё происходит так, как будто ребенок, не столкнувшийся с запретом, не услышавший слово «нет!», должен был сотворить себе сам что-то еще более тираническое, источник столь мучительной виновности*, которая в конце концов толкает на преступление. Жертва, преступник и судья являются одним и тем же лицом, пресловутой троицей.

В своей самой безумной форме, насколько удалось понять из психоанализа пограничных пациентов, Сверх-Я — это голос Судьбы, его слово принадлежит одновременно оракулу и нигилистическому повелителю. Многие жизни целиком подчиняются одному повелению: «Будь несчастным!» — или, еще хуже: «Не существуй!».

Сверх-Я увековечивает послушание первообъектам*, к которым добавляются акценты идеальности, и нередко можно увидеть, что подчинение выходит из внутренней сцены на социальное пространство, доходя до «добровольного прислуживания» тому, кто занял место его Я-идеала.

Сепарация

Мать играет со своим ребенком, накрывая лицо шарфом или просто закрывая его ладонями. Счастливчики, с которыми играли в эту игру, могут вспомнить, что следовало за этим, какое приятное возбуждение, радость и взрывы смеха предшествовали моменту, когда они вновь находят друг друга: «Ку-ку, вот и я!». И всё в том же духе... Вновь и вновь. Терять и находить. Исчезать и появляться. Безусловно, никто не сможет отнестись играючи к сепарации, если до того, как она произойдет, сепарация не была уже эротически наполнена совместной игрой с матерью. Встреча после долгого отсутствия, разлуки, сможет вновь воскресить любовь, прощальные слова на перронах вокзалов не будут сопровождаться такой нестерпимой болью, если первый из всех объектов* соглашается на сепарацию, принимает ее, мирится с собственной потерей и превращает в игру сложившиеся обстоятельства, то, что в противном случае превратилось бы в отчаяние*, при появлении которого уже невозможно отличить отсутствие от полного исчезновения. Психическая сепарация — это состояние, придающее ребенку

«способность пребывать в одиночестве» в присутствии матери (Винникотт), это последний акт рождения – само слово «сепарация», проистекает из *parere,* «родиться». Патология сепарации (депрессия*, аддикция*, анорексия*) помогает нам понять, что в тревоге сепарации на самом деле беспокоит не сепарация как таковая, а боязнь не справиться с ней.

Символизация, см. Кастрация, Отец

Симптом

После нескольких месяцев анализа Люси констатировала исчезновение своего (истерического) запора, не упомянутого раннее ни разу, как если бы известное правило*: «Говорите *всё, что вам приходит в голову...»,* – приобрело значение интерпретации* без ведома главных действующих лиц аналитической сцены.

Стирание симптома, его превращение остается одним из самых прочных ориентиров психического изменения. Но нередко случается и обратное: первые шаги в анализе «приводят к плохому самочувствию», а тело* по-своему отвечает на проявления бессознательного. Для Сесиль это приняло форму экземы, исчезнувшей в детстве, затем вернувшейся, локализованной на безымянном пальце, по ее словам, «на пальце для кольца». У Лео, которого мучили примитивные тревоги*, психоаналитический процесс начался на фоне респираторных нарушений. После того, как тревога* проложила себе соматический путь,

этот путь остается открытым, в том числе и для нового психического* конфликта.

Симптом работает, подобно сновидению*, и является компромиссом: с одной стороны, он прокладывает путь фантазму, *выражает* его, пусть и делает это всегда смещенным, деформированным образом; с другой стороны, борется против его полной манифестации, *защищается* от нее. Этимологически симптом означает «совпадение знаков», он позволяет страданию и удовлетворению соединиться в одной точке.

Психоанализ появился, в первую очередь, из отказа от фронтальной, буквальной интерпретации симптомов, из отказа от надежды достичь разрешения симптомов, одного за другим, что привело бы лишь к их усилению или к поиску более надежного убежища; среди современных пациентов, проходящих психоанализ, немало тех, которых когнитивная и поведенческая терапия уже «излечила*». У аналитиков отсутствует малейшее игнорирование или пренебрежение по отношению к симптому или к страданию; наоборот, присутствует уверенность, что симптом обладает силой загадки, что он наполнен смыслом, который предстоит расшифровать, а не является простой ошибкой, которую следует исправить, и что иногда требуется длительный анализ для полного исчезновения симптома.

Случается все же, например при депрессивном упадке, при витальном риске при анорексии*, что тяжесть симптома не оставляет места другому выбору, кроме техники прямых интервенций.

Скорбь (работа)

«Работа скорби»... Как всегда, если что-то выражено ярко, такая экспрессия достигается за счет некоторой потери смысла. В психоанализе работают в первую очередь с тем, что очевидно, что лежит на поверхности: скорбь – это боль, уход в себя, нежелание и неспособность идти на контакт с окружающими, в целом это дезинвестиция внешнего мира... Но понятие *работы скорби* прибавляет к горю тяжелую часть, которую труднее всего принять, насильственную часть, заключающуюся в работе по отвязыванию, отделению от умершего. Она состоит в том, чтобы отстроиться, отстраниться от смерти, чуть ли не «убить умершего во второй раз», развязывая и распутывая поочередно узлы, привязывающие к объекту. Всплывающие настойчивые воспоминания, частые сновидения*, в которых мертвые воскресают, – все это происходит, чтобы в конце концов, по завершении работы горя, легче было бы их забыть. И продолжается это до тех пор, пока освободившееся либидо сможет уже быть перенаправлено на новые объекты, предоставляя возможность полюбить снова. Втайне враждебная часть амбивалентности* протягивает руку помощи. Вспоминая о замечательно проведенном дне, Пьера внезапно охватывает чувство вины: его отец умер всего лишь месяц назад, а он уже себе позволяет...

Почему работа по отделению столь болезненна, почему либидо цепляется за исчезнувший объект, даже когда ему уже есть замена? «Мы не можем этого понять», – пишет Фрейд. У Мелани Кляйн есть от-

вет. Потеря дорогого человека независимо от возраста, в котором происходит утрата, всегда является *повторной* потерей, второстепенной, уже испытанной травмой, новым переживанием *раннего* опыта. Объект [сегодняшней] любви – это потерянный [ранее] объект, депрессивная позиция нас всех объединяет. Любая скорбь, даже переживаемая впервые, – это всегда повторение [первичного горя], реприза и трансформация более ранней смерти и страдания, игнорированных до этих пор.

Слияние (симбиоз)

Одной из особенностей анализа пограничных* пациентов является форма, которую приобретает их перенос*, часто представляющий собой регресс* к самым ранним состояниям зависимости, порой чрезмерно выраженный. Какие пережитые ранние травмы пытается таким образом повторить пациент в переносе? Какие лишения испытал он в детстве и какую нехватку он пытается повторить и восполнить во время анализа? Размышляя над этими вопросами, Винникотт выдвинул гипотезу о «первичной материнской заботе». Идея заключается в состоянии «нормального безумия» матери, которое создает мост между последними месяцами беременности и началом новой жизни, нивелируя разрыв, обусловленный рождением; на протяжении этого психического времени мать постоянно идентифицируется со своим ребенком. Речь идет об идентификации*, основанной на сенсорности,

позволяющей одному (матери) верно чувствовать психические и физические движения другого (младенца). Перманентное стремление «пограничного» пациента к слиянию, его неизменный страх* быть брошенным, постоянно угрожающая ему депрессия* подтверждают недостаточность материнского внимания, неудачу, дефицитарность, нехватку материнского тепла и заботы на ранних этапах его жизни. Человек, который не пережил на заре своей жизни подобного симбиоза, такого «нормального» безумия, позже создаст свое частное безумие, в том числе и во время аналитического сеанса. В этом и состоит парадокс переноса таких пациентов – в ожидании повторения в отношениях с аналитиком и в его «заботах» *того, чего у них никогда не было в их личной истории.*

Постоянно присутствующая тревога, снижающаяся лишь в отношениях слияния, свидетельствует, скорее, о незавершенном, недостаточно сформированном нарциссизме*, чем о его повреждении. Новорожденный не обладает, подобно яйцу, изолированной и защищающей от среды скорлупой, наоборот, он изначально открыт, напряженно ожидая от близкого существа внимания и ласки в ответ. Если самке млекопитающего на помощь приходит ее инстинктивная программа, которой она следует, мать ребенка пытается справиться, прибегая ко всему, чем она обладает сама, включая собственное бессознательное. Иногда ей удается хорошо сонастроиться, и тогда мы говорим о «достаточно хорошей» матери, в других случаях она сонастраивается хаотически, непредсказуемо

или недостаточно из-за того, что сама недостаточно инвестирована или из-за инверсий, появляющихся от чрезмерной нагрузки заботами. В симбиозе жизни нет, жизнь не может начаться в симбиозе, он вообще скорее всего является лишь фантазмом* «идеальной матери», которую никому не пожелаешь.

Смерть

Ему приснились собственные похороны, красивые дроги с двумя пегими лошадьми. Следом шли заплаканные, надломленные люди, охваченные болью от потери дорогого человека. Траурный кортеж состоял из множества незнакомцев, печальных и в то же время восторженных. Отсутствует только одно существо (Я) и вот, весь мир стал пустым[1].

В действительности каждый раз, когда мы пытаемся представить себе собственные похороны, мы продолжаем присутствовать там в качестве зрителя. «Смерть является возможностью бытия, которую жизнь никогда не актуализирует» (Хайдеггер). Более того, в бессознательном смерть всегда касается другого, умершего или убитого. Бессознательное не желает знать ничего о *своей собственной смерти,* оно верит лишь в бессмертие (Фрейд). Так, Жюли спрашивает своего аналитика: «Если *вы* умрете во время каникул, как я об этом узнаю?». А ведь действительно, думает аналитик, у меня же нет ее адреса.

1 Перефразировано знаменитое выражение Фрейда: «Исчезло Я [объект любви], и весь мир опустел».

Нет такой правды в психоанализе, которую единичный психопатологический симптом не смог бы опровергнуть в один прекрасный день. Бессознательному* время не ведомо, как и *своя* собственная смерть; как только Нарцисс захватывает переднюю часть сцены, выходя таким образом на передний план, *собственная смерть* перестает быть настоящей. Если Нарцисс находится вне времени, это не означает, что он вневременный, скорее это означает, что он *вечный*. Вечная жизнь, обманывающая смерть, отрицающая ее, – это нарциссический фантазм par exellence, утверждающий время вне времени, перманентное настоящее, у которого нет ни начала, ни конца, и которое никогда не заканчивается. Время, его сила разрушения, становится в этом смысле самым первичным процессом. Эдипова проблематика связана только с преступлением, со смертью другого. Нарциссизм* вводит в психоанализ и в бессознательное собственную смерть, готовую иногда в связи с глубокой* депрессией обосноваться в жизни и навязать ей экзистенциальное небытие.

Сновидение (работа сновидения)

«Сновидение показывает нам человека в условиях, когда он не спит» (Фрейд). Он не «спит», он *видит* («Сновидение есть *увиденное*». – Гюго); он никогда не проживает увиденное во сне по своей воле, часто вопреки ей («Зачем говорить: я видел сон, когда правильнее сказать: мне это приснилось». – Валери).

Галлюцинаторная сила сновидения лучше, чем фантазм*, иллюстрирует то, что желает сказать психическая* *реальность*. Когда сновидение явно эротическое, что не часто случается, оно способно своим простым действием, своими представлениями вызвать оргазм. Когда Сара просыпается, она констатирует, что сон, в котором она видела, что рожает, несмотря на то, что сама даже не была беременной, вызвал у нее прилив молока к груди, дошедший до реальной лактации. Не меньше впечатляет внезапно вскакивающий сквозь сон человек, просыпающийся в холодном поту, чтобы спастись от ножа убийцы: «Разве самый мудрый из людей хочет познать безумие, размышляя во время сновидений о потоке своих мыслей?» (Вольтер).

Когда сновидения пересказывают, многое теряется, упускается. Однако при этом, благодаря интерпретации*, сновидение не становится менее привилегированным путем доступа к бессознательному. Работа сновидения искажает и трансформирует материал, который может иметь двойной источник: инфантильный (смешение желаний* и тревог*) и включающий дневные остатки, нередко микротравму – дверь, в которую постучали или которая никак не открывается, сновидение превращает в ночное скитание по глухому лесу; сознание пренебрегло этим событием, но при этом сохранило в памяти.

Повторяющийся, тревожный, травматический характер некоторых сновидений превращает работу сновидения в сизифов труд. Желание уже не то,

что эти «повторяющиеся сновидения» (Фрейд), а скорее то, на что они *нацелены,* что *пытаются* (часто безуспешно) привнести. Это подобно последней попытке инфантильной* сексуальности, ее пластичности* присвоить и превратить в удовольствие-желание никогда не заживающие, так никогда не осознанные раны.

Соблазнение

«Любовь матери к своему младенцу, которого она кормит грудью и о котором заботится, намного глубже ее последующей привязанности к ребенку-подростку. Природа этой любви такова, что она полностью удовлетворяет любовные потребности, воплощая не только все психические желания, но и все телесные потребности» (Фрейд). Ребенок протягивает губы в поисках молока и получает сосок груди, наполненной не только едой, но и наслаждением. Ребенок является «эротической игрушкой», и для такого утверждения вовсе не следует говорить о материнской перверсности*. А как бы иначе она смогла бы заниматься ребенком, ухаживать и заботиться о нем, если бы не вкладывала в уход за ним часть своей собственной бессознательной сексуальности? Отец ничуть не ошибается, когда предполагает, что ребенок, который только что родился, станет его соперником. Тотальное соблазнение связано с асимметрией ребенка и взрослого (Лапланш), ведущей к неизбежной пассивности первого, к смешению и путанице между

любовью и уходом. Ребенок ожидает получить нежность*, но может получить страсть. Для перверсии* требуется всего лишь еще один шаг, как в случаях, когда мать продлевает кормление грудью из-за оргазма, который она при этом испытывает.

Обычное материнское соблазнение, которое «научит ребенка любить и снабжает его необходимой сексуальной энергией» (Фрейд), окружено двумя патологиями: одна состоит в чрезмерности, другая – в нехватке или отсутствии. Сексуальное насилие над ребенком со стороны взрослого зачастую не оставляет последнему другого выбора, кроме идентификации с агрессором, обрекает на навязчивое повторение – педофил является скорее разрушенным ребенком, чем соблазненным. Но бывает и так, что соблазнение, его фантазм*, отсутствует на психической сцене. Ребенок смотрит на материнское лицо* и не видит *ничего*. Удовольствие, которое обычно испытывает ребенок, глядящий на свою мать, отсутствует, поскольку взгляд матери не выражает ответного удовольствия, не возвращает ребенку отправленное своей маме чувство наслаждения, тем самым лишая его этого наслаждения. Грудь, которую сосет ребенок, является в таких случаях ледяной грудью, цедящей черное молоко меланхолии*.

Сопротивление

Нередко приходится сталкиваться с очень простой формулировкой сопротивления психоанализу. Так, Самия рассказывает, что она запомнила из фундамен-

тального* правила (говорить обо всем, что происходит...): «Это то, что вас не касается и что слишком нелепо». Редко встречается что-то столь ясное и понятное. Маски сопротивления принимают все формы, привычные и даже обратные им, когда, например, пациент говорит: «Ничего не приходит в голову...» или «Мне столько всего приходит в голову, что невозможно все пересказать». Одному пациенту не удается ничего запомнить из своих сновидений, другой пациент, рассказывая их взахлеб, затапливает ими анализ. Один замыкается в молчании, другой говорит неустанно, чтобы таким способом избежать формирования мрачных мыслей. Один любит своего аналитика и старается говорить то, что доставило бы ему удовольствие, другой настроен к нему враждебно и преследует лишь цель доказать некомпетентность того, кто его слушает. Один пациент воспринимает любую интерпретацию как слова Евангелия, другой с трудом скрывает свое пренебрежение: «Очень интересно...»

Сопротивлению препятствуют лишь его источники: Я* ничего не желает знать о вытесненном, Оно* связано со своими симптоматическими способами удовлетворения и отказывается преобразовывать их, а Сверх-Я* цепляется за чувство вины* и противится, не желая принять и малейшие изменения в мире, за исключением того, что меняется к худшему. Одна из хитростей Сверх-Я выражается в следовании фундаментальному правилу – из удовольствия подчиняться анализу так же, как это происходит в школе или в религии!

Сетования со стороны аналитика были бы напрасными, поскольку *всякое* сопротивление свидетельствует о *присутствии* бессознательного и указывает на то, что диссимулируется. Не является ли перенос* первым из всех сопротивлений, который повторяет и отыгрывает больше, чем прорабатывает? Поскольку перенос приводит в действие бессознательное, он является также и тем, что делает возможным анализ.

Стыд

Невиновность является противоположностью виновности*, а надменность – обратной стороной стыда. Виновность подчеркивает ошибку, преступление; стыд подчеркивает оскорбление, нанесенное Я. Стыдливый человек – это униженный Нарцисс, человек, который считал, что находится в безопасности и который вдруг обнаруживает себя обнаженным. Виновный может получить прощение, искупить вину, возместить ущерб, но можно ли представить, чтобы в один прекрасный день стыд оказался полностью «исчерпанным»? Стыд отражается на лице, стыдливый *теряет свое лицо,* стыду остается лишь исчезнуть, создать условия, чтобы о нем забыли. Такое исчезновение, безусловно, чаще происходит из-за расщепления* Я, чем из-за вытеснения*, защищающего каждого из нас от пережитого ранее стыда.

В обществах, где люди живут, находясь больше под угрозой стыда, чем под угрозой виновности, стыд

играет регуляторную роль – в Антильских обществах говорят: «Избегайте публичного оскорбления!», но это происходит ценой усиления персекуторных чувств. «Грубый голос», осуждающий виновного, брызжет из-за кулис внутренней сцены, а глаз, видящий *выставленного на посмешище,* царит на социальной сцене.

Сублимация

Идея сублимации долгое время страдала от определения, в соответствии с которым ей отводилась роль «десексуализации», сведения сексуальных влечений* к культурным, социально значимым целям. Каким-то неизвестным магическим образом то, что было сексуальным, переставало быть таковым, становясь возвышенным; непоследовательность суждения стала причиной иронии Лакана: «Вы хотите сказать, что цель изменилась, что она была сексуальной, а теперь уже нет? И из этого следует заключение, что сексуальное либидо лишилось сексуальности. Вот, стало быть, почему ваша дочь немая».

Опираясь на гипотезу «первопричин», Фрейд видит все по-другому. Идея состоит в том, что либидо, благодаря своим способностям к метаморфозам, сразу же ускользает от участи вытеснения*; сублимация понимается теперь уже не как окончательная фигура возвышения, даже очищения от первоначальной сырой сексуальности, а как ее первое производное, относящееся к природе сексуального влечения, к пластичности* его природы, а не к его дистанциро-

ванию. В золоте не меньше сексуальности, чем в свинце, в «кассете» со спектаклем «Скупой» не меньше страсти, чем в анальном* аспекте, из которого проистекает скупость. Просто сексуальная жизнь *сместилась* и стала *неузнаваемой.*

Сублимация наводит мост между искусством и инфантильной сексуальностью*; общим для них является следование к *финальности без финала,* реализация желания порвать со всеми формами утилитаризма. Для ребенка является открытием, что благодаря форме своих губ и консистенции своей слюны он может пускать пузыри. Но это ни к чему не приводит, это не дает *полного удовлетворения,* это является причиной, по которой ребенок не унимается. Еще и еще...

А разве в искусстве происходит иначе, когда при помощи нескольких тюбиков, холста и кисти можно «вдохнуть страсть в природу и в предметы?» (Из речи Антуана Арто о Ван Гоге).

Суицид

Что мог бы нам поведать самоубийца, объясняя свой поступок, если бы у него появилась возможность дать себе и другим отчет в том, что произошло? Немногое, вероятно, не больше того, что говорят те, которым попытка самоубийства не удалась: «Я больше так не мог, я хотел, чтобы все закончилось, я хотел спать, я не знаю, я больше ничего не знаю...» Бедные слова, использованные при попытке объяснить и назвать безымянную тревогу*; акт/действие уже сам по себе

свидетельствует о недостаточности слов. Покончить не с жизнью, а с психической жизнью, от которой невозможно сбежать, которую можно лишь разрушить. Уничтожить тело, поскольку не удается заставить замолчать жестокую, необузданную психе. Случается, что когда суицид не удается довести до конца, сама попытка заканчивается успехом, исполнением задуманного... поскольку начинается новая жизнь, не вечная, но всё же...

Невыразимый акт, он не является следствием идеи суицида и поддерживающего ее фантазма*. «Люсьен [де Рюбампре] в отчаянии хотел покончить с собой по определенной причине. Приняв такое решение, он начал изучать возможные способы. И тогда он представил себе ужасающее зрелище своего обезображенного тела, всплывшего на поверхность... Как и у некоторых других самоубийц, у него появилось посмертное самолюбие» (Бальзак). Мысль о самоубийстве служит жизни: «Мысль о самоубийстве является большим утешением. Она помогла пережить не одну тяжкую ночь» (Ф. Ницше). Для Нарцисса* смерть является, прежде всего, раной. Верный стоической традиции – «Истинно свободен только тот, кто свободен от страха смерти» (Эпиктет), – он дает себе обещание скорее остаться властелином момента, нежели пассивно терпеть разложение. Но отсюда до соблюдения плана... Скольких людей посещала мысль убить себя, они утешились лишь тем, что разрывали свои фотографии!». («Как часто люди хотят покончить жизнь самоубийством, а кончают

лишь тем, что рвут свои фотографические карточки». – Жюль Ренар.) Как мы можем понять меланхолика*? Ведь он редко терпит поражение, пустота, в которую он устремляется, не оставляет ему никакого шанса. Но будет ли это самоубийством, убийством себя или другого, этого ненавистного объекта, Я* которого является лишь болезненно отбрасываемой тенью?

Тело

Алина, находясь на кушетке* в состоянии полной расслабленности, рассказывает без всякого смущения, как на протяжении всего сеанса из-за сказанных ею слов ее охватывало возбуждение, которое распространялось сразу на несколько зон тела, настолько сильное, что желание унять свой зуд становилось безудержным. На противоположном конце невротического спектра находится другой больной с неврозом навязчивого состояния* – Жан, решительный сторонник полного разграничения души (психики) и тела, жалующийся, что психоанализ сводится лишь к простому «интеллектуальному» упражнению. Его напряженное, обездвиженное кушеткой тело свидетельствуют все же о другом: он испытывает необходимость постоянно находиться начеку, не расслабляться, следить за телом, над которым каждую минуту нависает угроза быть *затронутым* словами.

Нелегко раскрепоститься после двадцати пяти веков дуалистического мышления, которое, начиная с Платона, насколько нам известно, радикально проти-

вопоставляло душу и тело и форматировало лингвистические и мыслительные категории. Весь психоаналитический опыт изучения того «чужого внутреннего *тела»* (Фрейд), которым является бессознательное, способствует размытию, казалось бы, ясных различий: Я создается благодаря идентификациям*, но этот процесс вначале смешивается с процессами поглощения-инкорпорации; первое обладание, первая опрятность заимствуют модель «анальности»; формирование внешнего/внутреннего, их дифференциация находит ценную поддержку в противопоставлении между женским и мужским, и т. д. Собственно говоря, не существует «психического» процесса, который бы, наподобие тревоги* или удовольствию, не располагал бы собственной соматической траекторией. Два приведенных в этой книге «простых» примера анорексии* и запора при неврозе навязчивых состояний показывают, что психическая жизнь неотделима от органической жизни (и/или ее нарушения). Сладкое возбуждение, сопровождающее появление фантазма, начинает делать на теле наброски удивительной эрогенной географии – пульсирующая промежность, дрожащий затылок, гусиная кожа на предплечьях, дрожь, охватывающая тело с ног до головы... – так сладкое возбуждение обрисовывает *тело психе.*

Темпоральность (история)

Как же не разделить мнение философов, что каждый из нас обладает «внутренним ощущением времени»,

что время *a priori* информирует наши чувства, что нет ничего более «знакомого» для человека, чем его существование во времени?

Это верно, по крайней мере, для пациента, страдающего неврозом, для того, кто создал свою историю в русле развития эдиповой* трагедии. Для него «прошлое, настоящее, будущее будто нанизаны на пересекающую их струну желания» (Фрейд). *Настоящее* переноса* открывается, с одной стороны, с *воскрешением в памяти* инфантильного, а с другой стороны, с ожиданием перемен. Но это не относится ко всем, и для психоаналитического опыта становится сюрпризом известие, что время не является сиюминутной данностью субъективности. Темпоральность проистекает из психогенеза, она может проявляться просто в виде наброска, а иногда она и вовсе *не сформирована.* Так, у Ариан нет воспоминаний об эпизодах из детства, их отсутствие не означает, что она лишена памяти, а скорее свидетельствует об отсутствии *истории;* у нее нет опыта проектов*;* планирование каникул погружает ее в пустоту мышления – и она старается, насколько это возможно, нейтрализовать свое «присутствие», без умолку говоря, чтобы *ничего* не сказать, чтобы не проговориться о чем-то важном. Она умеет пользоваться часами и записной книжкой, однако социальное время не принимается в расчет, есть лишь субъективная регистрация во времени, что позволяет ей *поведать* свою жизнь.

Распределение времени на прошлое/настоящее/будущее предполагает существование *непрерывности*

бытия (Винникотт), условием для этого является понимание ребенком, что отсутствие не означает исчезновение, что *ушедший* объект любви *вернется* вновь.

Психоанализ показывает, что, если мы не находимся во времени, мы можем выдумать его позже. В этом случае первая *история* – это история любви-ненависти переноса*. После многих лет анализа Ариан постоянно повторяла те же слова: «Вначале, когда я приходила сюда...»

Травма (психическая)

Роды при помощи акушерских щипцов, прикосновения дедушки, преждевременная смерть брата, падение на лестнице, спровоцированное сестрой... Во имя упрощенной каузальности ведется поиск «травмы» детства, призванной объяснить несчастную историю или сегодняшнее страдание. Поиск причины успокаивает, «найти начало, точку опоры во времени, чтобы можно было назвать ее *причиной»* (Кертеч).

Психоаналитическая концепция травмы сохраняет часть общей идеи: травма – это *рана от взлома;* происходит что-то, превышающее способности Я по проработке, возможности психической интеграции Я*. Его границы нарушены, повреждены, иногда разрушены. Я защищается, прибегая к крайним средствам: от вытеснения* (невроз*) до фрагментации (психоз*) в зависимости от силы потрясения и его способности амортизировать шок. Травма означает переворот психической экономии. В предельном

случае самый незначительный знак тревоги* указывает на существование микротравмы, даже если нельзя сказать, какой именно, подобно движению земной коры, зарегистрированному сейсмографом, хотя жители его не ощутили.

Главная психоаналитическая сложность состоит в том, чтобы подчеркнуть, что у психической травмы есть *два периода*. В детстве происходит первый удар, оставляющий не выраженный словами, не обозначенный, не интегрированный в личную историю след. Пока не вмешивается что-то, *отсроченное переживание**, момент коллапса между новым переживанием прошлого опыта, атакующего *изнутри,* и тем, что непредвиденно вспыхивает извне. Это не просто удар, а уже его трансформация: *traumatikos* означает одновременно и рану, и ее перевязку.

Если психоанализу достаточно хорошо удается трансформировать травмы, причиненные соблазнениями* детства, для него является провокацией столкновение с «ранними травмами» (материнская депрессия*, мертвый ребенок*, изнасилование, необъяснимое исчезновение...), подобными тем, что глубоко ранили Нарцисса.

Тревога

Дыхание исчезает, сердце сжимается и колотится, пот становится холодным, как лед, лицо бледнеет... тело* по-своему дает знать о тревожной атаке. Ничто из внешней среды не оправдывает такого неожидан-

ного состояния, тревога – это не страх, не боязнь чего-то. Враг находится внутри, речь идет о психической реальности, а не о материальной, однако чем сложнее избежать состояния страха, тем сильнее нарастает *тревога*. Что-то нарушающее линии защиты вырывается из бессознательного, что-то превышающее способности Я к проработке*. Сила тревоги варьируется от одной крайности к другой, будучи, с одной стороны, простым сигналом тревоги, указывающим на опасность, а, с другой стороны, превращаясь в резкое, пронзительное насилие, делающее жизнь настолько невыносимой, что появляется угроза ее прерывания. В то же время случается, что траектория тревоги вследствие выведения из строя психического аппарата, как бывает при коротком замыкании, делает невозможным прохождение тревоги через психику, и тогда она проникает сразу в тело ценой «соматизации».

Из всех аффектов, ощущений, отмеченных удовольствием или неудовольствием, тревога является самой обнаженной и наименее определенной; по крайней мере, в своей первой фазе она является аффектом неизвестного происхождения. Однако это длится недолго. Тревога цепляется за первую идею, за первый образ, дающий ей иллюзию, что этот образ «знает» причину. «Знание» позволяет тревоге превратиться в страх, в фобию*. Список фобий нескончаем: если единственным страхом является боязнь летать самолетом, защита от тревоги находит отличное решение: чтобы избежать ее появления, достаточно выбрать

другой вид транспорта или вообще не покидать родные места. Возможно, сепарация с родной страной, собственный крик при рождении, само рождение являются прототипами всякой тревоги.

Страх является не столько противником, сколько союзником психоанализа, ибо открывает путь к неизвестному, к бессознательному и обладает свойством смещаться от одного объекта к другому. Страх может быть стимулом для исследования, правда, уже после того, когда пройдет испытываемое вначале состояние оцепенения.

Удовольствие, см. Аутоэротизм, Мазохизм, Оральный, Инфантильная сексуальность

Фаллос (примат фаллоса)

Осирис, Гермес, Дионис, Приап... Фаллос – это идол, которому мы поклоняемся. Почему человек прикрывает и прячет «то, что должен был бы украшать и торжественно выставлять, как это делает священник при богослужении»? (Леонардо да Винчи). «Примат, или главенствование фаллоса»... выражение граничит с плеоназмом, тавтологией: фаллос является символом силы, власти, фертильности и ничего другого, кроме главенствования, ему не ведомо. Разве что если... «Внутри каждой женщины имеется что-то блуждающее», – говорил Лакан – словно

компас без стрелки, позже он добавляет: «И у каждого мужчины имеется что-то абсурдное и смешное». После первенства, главенствования, примата – такое принижение!

Примат фаллоса является инфантильной сексуальной теорией, которая мало чем отличается от любого фантазма, и нет никакого смысла в попытке определить, ошибочна она или правдива. Мнения по поводу эвристических заслуг обсуждаемой теории разделились. С одной стороны, она навязывает бинарную логику (наличия/отсутствия, обладания/отнятия, A/не-A), классификационные качества подобной логики давно уже не нуждаются в подтверждении. С другой стороны, она указывает на «раннее нарушение инфантильного интеллекта» (Фрейд), на отказ от полиморфности, дающей столько наслаждения, умножающей половые органы (рот, анус, язык, палец...), чтобы свести возможные половые органы к чередованию присутствия/отсутствия одного-единственного.

За гордостью примата, первенства мы обнаруживаем тревогу, а именно тревогу кастрации*. «Невозможно приказать члену то, что приказываешь, к примеру, своему пальцу», – писал Марциал.

Фантазм

Она полностью отказалась от поездок в метро. Спускаться под землю для нее стало подобно спуску в ад. Каждый раз, когда на сеансе пациентка начинала

описывать агрессивную картину, которая представлялась ей уже с первых ступеней эскалатора, а именно: из-за аварии в метро внезапно исчезает электричество, блокируя вагон между двумя станциями, и все мужчины, пользуясь остановкой вагона и темнотой, набрасываются на нее... ее тело, лежащее на кушетке, тут же начинает замирать и коченеть, столь сильной становилась охватывающая ее тревога.

Поскольку фантазм часто сводят к приятной дневной пасторальной мечтательности, ему обычно приписывается легкость, приводящая к тому, что доля реальности, находящаяся за фантазмом, часто недооценивается. Общая психология вообще превращает воображаемое в увертку, очень близкую к обману: «Это всего лишь фантазм». И это при том, что не существует ни одного психического расстройства, симптома* или тревоги, которые не содержали бы в себе фантазм, самый инфантильный и неприемлемый образ которого чаще всего остается неосознанным в бессознательном.

Мать может быть самой доброй, а отец самым спокойным, фантазм же превращает их, по меньшей мере, в колдунью или тирана, в волчицу или дракона. Сказка, которую ребенок слушает вечерами со смешанным ужасом и удовольствием, соблазняет его только в той степени, в которой она содержит преувеличенную версию собственной истории, его психической, а не материальной реальности*. Объективность, учет и тестирование реальности являются поздними приобретениями. Воображае-

мое предшествует реальному, а не наоборот. Прежде, чем коробка станет просто коробкой, предметом, служащим для хранения чего-то, «коробка», с которой играет ребенок, является чревом, пропастью, загадочным местом, откуда выпрыгивают черти.

Фетишизм

Этимология слова «фетиш» (*feitico,* «уловка, трюк») созвучна магии: у женщины нет пениса... но у нее есть пояс для подвязок, меховое пальто, шелковые трусы! Чулки в сеточку, обтягивающие ноги, обутые в туфли на высоких каблуках-шпильках — всё это позволяет мужчине игнорировать хорошо известное: у женщин и в первую очередь у самой первой из них, женщины-матери, отсутствует «главное». Это приводит к расщеплению* Я, когда левая рука принимает и соглашается со всем, что правая рука решительно отвергает (отрицает). Страсть фетишиста обратно пропорциональна ужасу, который внушает ему кастрация*. Перверсия* у одних может выражаться в том, что у них нет ни фетиша, ни сексуальных связей — это едва заметный фетишизм, который недалек от самой общей черты мужской сексуальности. Сам фетишизм может быть едва заметным, но его эффекты — достаточно яркими: индустрия женского белья обязана фетишизму значительной частью своей прибыли. Последнее одеяние, как покров, сдерживает восприятие и преподносит сюрпризы.

Фобии

Темнота, свежий воздух, кошки, пауки, моль, змеи, мыши, буря, ножи, кровь, закрытые пространства, толпа, пустота, переход через мост, проезд через тоннель, спуск в метро, мысли о корабле, морские и авиапутешествия… Перечень фобий, их вариаций и сочетаний бесконечен. Следует подчеркнуть, что речь идет только о *типичных* фобиях, о которых говорят «легко и охотно». Одна из последних по времени фобий, фобия туннеля под Ла-Маншем, привела к появлению соответствующего клуба. Следует сказать, что это фобия вобрала в себя все: «Путешествие к центру земли», «Двадцать тысяч лье под водой», страх перед длинными туннелями, угрожающей темнотой, страх перед людьми в вагоне, перед поездами, мчащимися на большой скорости. Ко всем этим общим страхам можно добавить личные находки: лошадь маленького Ганса (Фрейд), петух маленького Арпада (Ференци) и – почему бы и нет – относительные местоимения Флобера, все те, *кого* можно было бы избежать с помощью деепричастия. Слово *phobos* не означает лишь побег, страх, оно также в равной мере выражает идею паники, беспорядка. Немного реальности – случается, что самолеты терпят крушение, а змеи жалят, но тем не менее это не позволяет появиться безумию как таковому… правда, не всегда, бывает, что при фобии насекомых человек не находит другого выхода, как продать дом в деревне, приносивший ему когда-то много радости.

Фобия – это «ребячество», однако маленькому ребенку страх неведом, он бесстрашно пробегает по крутым склонам берегов, безбоязненно взбирается на высокий подоконник, играет с огнем или с ножом... В природе фобий не существует, для их создания необходимо, чтобы вмешалась бессознательная *инфантильность*. Прежде чем стать «болезнью», фобия проявляется как разрешение, позволяющее конфликту* сместиться, локализировать тревогу*, найдя ей «объяснение». Как и любой симптом*, фобия, даже типичная, никогда не поддается однозначному объяснению. Часто в метро можно встретить истеричек, а также столкнуться с людьми, ведущими себя подобно стадным животным; некоторые из них, меланхоличные и застывшие, подобно погребенным, передвигаются, словно направляясь в страну усопших и переходят Сену так, как будто переходят Стикс.

Фрейд (1856–1939)

Вена, Бергассе, 19... тихая улица, буржуазный дом. Квартира на втором этаже. Подняться по ступенькам, идти по следам Абрахама, Ференци, Стефана Цвейга, а также Доры, Эрнста, *«Человека с крысами»,* Сергея, *«Человека с волками»* – для сегодняшнего психоаналитика незабываемый момент: несомненно, так было и для «маленького Ганса» в день его визита к «профессору». Переступив порог – на мгновенье иллюзия поддерживается – входишь в зал ожидания, сохранившийся в первозданном виде. Однако ждать

можно долго и бесполезно. ОНИ опустошили все, ОНИ изгнали Фрейда. Квартира пуста, музей хранит небытие. Чтобы увидеть все остальное: кушетку, археологических свидетелей уничтоженной цивилизации, инфантильность человечества – Фрейд коллекционировал не только сновидения – следует проследить путь его изгнания и направиться в Лондон, на Марешфилд Гарден, 20 (там Фрейд умер 23 сентября 1939 года).

Также ОНИ выдворили психоанализ и сожгли его книги. Психоанализ, так же как и «дегенеративное» искусство, не имел чести быть в почете ни у одного тоталитарного режима независимо от его природы, как и психиатрия, и различные виды поведенческой психотерапии, он ничем не может похвастать в этом смысле. Следует понимать, что свобода дорогого стоит.

Фригидность, см. Зависть к пенису, Женственность

Фундаментальное правило

«И еще кое-что, прежде чем начнем... говорите все, что приходит вам в голову, не придерживайтесь правил обычной беседы, не раздумывайте прежде, чем пойти против мыслительного потока... „Это ни с чем не связано, не имеет значения, безрассудно“, – не поддавайтесь таким мыслям, смущению, а наоборот. Теряйте нить беседы, говорите свободно и несвяз-

но...» Примерно после двадцати лет опыта работы с пациентами это правило стало фундаментальным. Фрейд понял, что желание проникнуть напрямую в суть патогенной организации ни к чему не приводило, «сопровождение пациента», наподобие эскорта, как и призывы сконцентрироваться на определенной теме, вело лишь к укреплению симптомов, вместо того чтобы, минимизируя их, от них избавляться; и действительно, симптомы* иногда исчезали, но всякий раз ненадолго и всего лишь для того, чтобы усилить тревогу*, свившую свое гнездо совсем рядом. Стало очевидным, что для психоанализа требуется время. Свободная ассоциация является средством, а не самоцелью, кстати, один из способов сопротивления* состоит именно в четком следовании правилу все время что-то говорить, перескакивая с одной темы на другую. Однако то, чего ожидает аналитик, на что надеется на сеансе, – это инцидент, случайная мысль, которая, словно волос в суп, попадает в самое неподходящее время. Нет ничего приятнее для психоаналитического уха, чем фраза, начинающаяся со слов: «Это ни с чем не связано и не имеет никакого значения, но...».

Правило – это призыв к тому, чтобы отвязаться, отделаться в речи от «резонов», от причин, мешающих высказываться. «Говорите не о том, о чем вы предпочли бы умолчать, а о том, чего сами не знаете...» В этом состоит парадокс свободной ассоциации, открывающей дверь в бессознательное и в его детерминизм. То, что говорит психоаналитик, и то,

что слышит пациент, – не одно и то же, как, например, при навязчивом неврозе*. Услышав «говорите все, что приходит вам в голову...», обсессивный пациент действительно начинает говорить обо всем, останавливаясь на всех деталях и подробностях. Говорите все... Исповедуйтесь, откройте свой «маленький грязный секрет»! Больной навязчивым неврозом, этот великий «грешник», хочет, чтобы психоаналитик стал его духовником. Ему мы обязаны тем, что регулярно слышим куплет о превращении исторических форм исповедания, тайны исповеди, в приспособление диван*/кресло...

Характер, см. Анальный, Зависть к пенису, Невроз навязчивых состояний

Холдинг, см. Привязанность

Чувство вины (ответственность)

Бессознательность (мыслей, желаний, действий) не является смягчающим обстоятельством. Наоборот, она, несомненно, отягчает вину. У человека, охваченного чувством вины, пылают щеки, глаза опущены, хотя на самом деле он ничего не сделал, он только подумал, нацелился, пожелал... И все это с ним происходит потому, что в бессознательном, там, где царствует фантазм*, различия между желанием и действием не существует, мысль о преступлении ничем не отли-

чается от самого преступления. Наказание неминуемо, и оно незамедлительно наступает, начиная с самого простого спотыкания (см. Ошибочное действие*) и заканчивая меланхолической ненавистью к себе*, проходя при этом через обсессивные симптомы: вымыть руки намного легче, чем промыть мозги.

У бессознательного, его аутоэротизмов*, как у фокусника в рукаве, всегда имеется нечто большее, чем козырный туз. Чувство вины безоговорочно подписывает приговор желанию, которое тайно попадает в ее распоряжение: mea maxima culpa[1], повторение этой формулы как мантры, как молитвы, недостаточно маскирует мазохистическое удовольствие, удовольствие от (само) истязающих мыслей, тлеющих на неугасшем огне невыразимой вины, преследующей день ото дня... Когда пациент путается между психоанализом и исповедью, это является верным «доказательством» предрасположенности к неврозу навязчивых состояний*.

Здравый смысл требует, чтобы за преступлением последовало чувство вины, хотя случается, что чувство вины предшествует преступлению, даже провоцирует его; люди становятся «преступниками из-за чувства вины» (Айхорн, Фрейд). Взять, к примеру, ребенка, который все время шкодит и ждет шлепка по попе, не получая его, он повторяет свои проказы до тех пор, пока не достигнет цели. Разве может «преступник» выиграть что-то в такой ситуации? Да. Понимание. Он может отдавать себе отчет о преступле-

1 Моя большая вина (*лат.*).

нии, отнести мучающую его тревожную виновность неизвестного происхождения (фантазм преступления, инцест?) к какому-то конкретному факту. Так, диффузное и непонятное страдание становится предметным, а это всегда успокаивает.

Психоанализ ведет к значительному расширению ответственности в совсем ином смысле, чем в психологии сознания или свободной воли. «Я сделал это непреднамеренно», – в этой фразе скорее звучит обещание повторения, нежели извинение. Признание преступника невиновным, объявляя его «безответственным», обычно приводит к психическому разрушению. «Преступник имеет право на наказание» (Гегель).

Шизофрения

Беккет говорил о своем друге Джойсе: «Он не видит никакой разницы между падением бомбы и падением листа». Джойс, Гёльдерлин, Ван Гог и некоторые другие успели превратить свое безумие в гениальность, перед тем как их настигла катастрофа, перед тем как *«Улисс»* закончился *«Поминками по Финнегану»*. Одному из них, а именно А. Арто, тому, кто проповедовал «центральное обрушение/коллапс души» (schizein – разрушать, phren – душа), пришлось прокомментировать с самой большой долей *правды* работу одного из своих товарищей, картину *«Пшеничные поля с воронами»,* которую Ван Гог написал за два дня до самоубийства: «Достойный аккомпанемент смерти того, кто в течение жизни заставил вертеть-

ся множество хмельных светил над столькими разваленными мельницами и кто в совершенном отчаянии с пулей в животе не мог не обагрить кровью и вином пейзаж, не залить землю последней веселой и в то же время темной эмульсией с привкусом кислого вина и испорченного уксуса».

Одним из тех, кто решился на авантюру психоаналитического лечения больных шизофренией, является Герберт Розенфельд. Одна из его пациенток всегда приходила позже, спустя много времени после окончания назначенного сеанса. Они договорились, что она будет просыпаться намного раньше. Однако при этом не принималось во внимание, что ее фрагментированное Я* было не в состоянии установить хоть какую-то связь между тем, чтобы рано проснуться, принять душ, позавтракать, сесть в автобус и вовремя постучать в дверь кабинета психоаналитика... Также Жак Ривьер (директор *Нового французского обозрения, NRF*) однажды извинился перед Арто за то, что не смог напечатать его поэмы по причине некоторых «дезориентирующих странностей». Арто запротестовал: «Я думаю, что большая часть строф хороша. Единственное, что умаляет их ценность, – это то, их объединили».

Эдипов комплекс

«Если малыша-дикаря в возрасте несмышленыша предоставить самому себе, то он, сочетая примитивный разум ясельного ребенка с насилием и напором вле-

чений тридцатилетнего мужчины, свернул бы шею своему отцу и переспал бы со своей матерью» (Дидро). Инцест* и убийство... Эдипов комплекс состоит не просто из игры в маму и папу. Успех фрейдовского открытия, его широкое признание в значительной степени способствовали ослаблению уровня насилия и страдания в эдиповой трагедии. Безусловно, эдипов комплекс помогает структуризации, дифференциации и интеграции запретов, но только *при условии его преодоления.* Он не относится к «нормативному кризису», прежде всего потому, что связан с проблесками безумия. Желание обладать своей матерью или убить своего отца еще никогда никого не структурировало. Эдиповы фантазмы* являются носителями любви* и ненависти* в их последней крайности, невозможно быть уверенным, что страсть «тридцатилетнего мужчины» сильно превышает страсть «малыша-дикаря».

Слово «комплекс» порядком избито, но его *сложность* не раскрыта. Ребенок не только любит и желает родителя другого пола, ненавидя и отвергая родителя того же пола, что и он сам, он может почувствовать и обратное, а иногда одновременно и то, и другое. Просты ли эти желания*? Какова доля деструктивности, находящейся в центре инцестуозного желания, насколько в преступлении присутствует сексуальность? И это еще не все: адресуя взрослому свою любовь или ненависть, ребенок никогда не делает этого, не получая чего-то взамен. Однако зачинщиком является не дитя. «Кого ты предпочитаешь? папу или маму?» Взрослый делает пер-

вый шаг, как в любви, так и в ревности. Допустим, Эдип не знал... но Иокаста-то знала, ибо она, стараясь уменьшить его тревогу, говорит своему любовнику: «Не опасайся гимена матери: многие смертные в своих снах уже не раз делили постель со своей матерью. Кто придает меньше значения таким вещам, тот легче проживает свою жизнь».

Взрослый начинает и только он может закончить. Ребенок всегда будет просить «хочу еще», ибо он сам остановиться не может, у него нет конечной точки; если мы не убедим его остановиться, он закончит тем, что испачкает прекрасный рисунок, который готов завершить. Жизнь того, кто никогда не слышал слова «нет!» и потому не смог его интегрировать, будет несравненно сложней. Отказ не может произойти без отчаяния, но чем позже он произойдет, тем весомее будут его последствия.

Эрос, см. Аутоэротизм, Объект, Пластичность либидо

Юмор

Исходя из французского «humeur», англичане придумали *humour*. Они превратили «вздорного» человека в «остроумного». Сотворение слова соответствует теме, тому, о чем идет речь, в этом смысле юмор выступает как освобождение, трансформация неприятного обстоятельства в минуту удовольствия, стесняющих

мгновений в минуты триумфальные. На рассвете в один из понедельников во дворе тюрьмы, где возводили эшафот, у приговоренного к смертной казни возникла следующая мысль: «Неделя плохо начинается!». Победа может быть короткой, юмор не в состоянии предоставить срок неуязвимости. При использовании минимальных средств – *смещенного* слова, двух *конденсированных* значений... юмор является прекрасной психической проработкой травматических ситуаций. Ирония ранит, юмор лечит. Все происходит так, будто Сверх-Я* по доброй воле и всерьез становится на мгновенье хорошим советчиком: «Если ничего не можешь изменить, лучшее, что можно сделать, – посмеяться». *Чувство* юмора является ценным шестым чувством, которое освобождает от применения более дорогостоящих защит, каждый анализ, в котором оно отсутствует, позволяет удостовериться в этом.

Что касается юмора бессознательного, это черный юмор, его дурные шутки всегда ведут в западню или к разным симптомам. За исключением минут, когда, наконец, вытесненное* возвращается и лицо* просветляется вместо того, чтобы омрачиться. Так, Матье рассказывает: он был молодым человеком, когда вошел в книжный магазин, чтобы купить журнал «Плейбой»... Его смущение еще больше усилилось при виде строгого лица матроны, сидящей у кассы, на ее голове был прикреплен черный шиньон, который она носила как епископ носит свою митру. Он не мог выйти, *не заплатив*. Походив взад-вперед меж-

ду книжными полками, он положил на место экземпляры с обнаженными женщинами и предстал перед цербером с сатирическим журналом «Канар аншене»!

Я

Сталкиваясь с требованиями реальности, к которой Я пытается адаптироваться, возмущенное на своем левом фланге требованиями, идущими из влечений Оно, ищущих лишь удовлетворения, вынужденное в конечном итоге передвигаться по прямой под эгидой нередко тиранического Сверх-Я*, «бедное, несчастное» Я не знает, куда приткнуться. Если спросить всадника, с грехом пополам садящегося в седло: «Куда направляешься?» – он ответит: «Спроси моего коня!» (Фрейд).

Я претендует на репрезентацию автономности индивидуума в целом, свободы его суждений; на самом деле уверенность в собственной идентичности может быть лишь иллюзией, что не умаляет ее витальности – об этом свидетельствуют психозы*, в которых Я разорвано на части. Борясь с фрагментацией психики отдельной личности ради сохранения конкретного *индивидуума,* Я выполняет работу по синтезу, по крайней мере, пытается это сделать, несмотря на свои множественные разрывы и расщепления*. Я «становится осознанным», развивает разум, но это вовсе не означает, что основная часть его деятельности, особенно касающаяся применяемых им видов защит, не ускользают от его пристального внимания.

Я является «пограничной единицей» (Федерн), которая маркирует разницу между внутренним и внешним, Я является для психики тем же, чем кожа для тела* (Анзье), – оболочкой, которая удерживает, защищает; но также и возбуждает. Возможно, его самая примитивная форма является дериватом «ощущений, возникающих на поверхности тела» (Фрейд) во время первого опыта прикосновений, его жизнь находится в зависимости от любви (и ненависти), которую питали к нему его первичные объекты.

Затем следует длинная история, в которой Я, являясь результатом, «преципитатом» идентификаций* с первичными объектами, играет значительную роль.

И в довершение ко всему, как если бы история была недостаточно запутана, случается, что Я воспринимает себя как объект любви или ненависти. Именно это и наблюдается при нарциссизме. Все происходит так, будто никто и не понял, до какой степени человек был тактичным и вежливым, уходя, он повторят: «Я, меня, я...»

Язык

Долгое время Люсьен был не в состоянии произносить слово «яйцо», как будто между этим словом и реальным продуктом не существовало никакой разницы. Ему казалось, что, если он его произнесет, его рот ничем не будет отличаться от куриной гузки.

Язык является не просто *естественным* (унаследованным от социальной группы, к которой мы при-

надлежим) способом общения и *родным* (переданным ребенку матерью), он является и *уникальным* в зависимости от способности каждого быть в нем, проживать его, вписываться в него и составлять свой собственный диалект. Вербальные тики, повторяющиеся синтаксические ошибки, фонетическая или смысловая путаница, *отшлифованный* или *непристойный* язык, слова, которых мы избегаем или которые подбираем, удовольствие, полученное от эха собственного голоса или от соблюдения молчания... Каждый вырисовывает на обиходном языке и в собственном стиле свою личную карту; так случилось и с Люсьеном, и с его страхом-желанием перед идеей (фантазмом*) занять на сексуальной сцене женскую позицию.

Общаясь на одном и том же естественном языке, протагонисты психоаналитической ситуации (пациент и аналитик) попадают в первую ловушку, которая влияет на динамику лечения, поскольку создается иллюзия разделения, коммуникации, симметрии. И всё потому, что «говорить на одном языке» означает поверить в имплицитное, само собой разумеющееся понимание. Часто, наоборот, случается принимать пациентов, родной язык которых является во Франции иностранным, вынужденных проходить анализ на неродном для них языке, и тогда обнаруживается, что именно это обстоятельство представляет собой скорее откровение, чем ограничение. Все происходит так, как будто бессознательное и его «иностранность», «иноязычие» легче в подобных случаях использует игру идиом для выполнения столь необ-

ходимых смещений. Так, Женни в страшном сновидении увидела себя потерявшей равновесие и шатающейся на «натянутом канате».

«Натянутом» (raide) или красном (red)?

После этой интервенции аналитика всплыли ужасные воспоминания из детства, когда ее отец, возвратившись из трактира, едва войдя в дом, неизменно вспыхивал взрывами гнева и его лицо тут же становилось багрово-красным ...

Язык является не только единственным инструментом лечения словами (*talking cure*), он является и его сырьем, материалом.

Тематическая библиография

Daniel Lagache. La psychanalyse.
Roland Jaccard. Freud.
Roger Perron. Histoire de la psychanalyse.
Jean-Claude Filloux. L'inconscient.
Paul-Laurent Assoun. Lacan.

Научное издание

Серия «Библиотека психоанализа»

АНДРЕ Жак

100 СЛОВ ПСИХОАНАЛИЗА

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: cogito@bk.ru
www.cogito-shop.com

Сдано в набор 11.11.21. Подписано в печать 22.11.21
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать цифровая
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 5,2
Тираж 500 экз. Заказ 8719.

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6